RURZAX

КОПАРЬ

2

Клад с глубины

18+

RURZAX

Клад с глубины

«Автор»
2026

RURZAX

Клад с глубины / RURZAX — «Автор», 2026

Автомеханик Артём Горин нашёл в размытой глине старинное серебро и уже прикинул, сколько за него дадут. А потом река потекла вспять. Следом объявились люди, для которых чужая находка уже стала их собственностью.На дне старого русла лежит затонувшая баржа с серебряным кладом. А у разрушенной мельницы скрыт Глубинный якорь — опасный артефакт, способный менять течение реки. Предприниматель Аркадий Руднев намерен превратить его силу в деньги и власть, даже если ради этого пострадает весь Кобрин. Водяной защищает свои владения, русалки спорят из-за берегов, а вурдалак-антиквар готов торговаться хоть с покойником — лишь бы товар был настоящим.Горину придётся снова лезть в воду за кладом, отбиваться от людей Руднева и договариваться с существами, которые не слишком любят живых. Впрочем, ведьма, оборотень и ворчливый домовой тоже не в восторге от его затей.А самое трудное — решить, сколько стоит серебро, если расплачиваться за него придётся чужими жизнями.

© RURZAX, 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ВОДА ИДЁТ НАЗАД 5
ГЛАВА 2. НЕПРОШЕНАЯ ВОДА 11
ГЛАВА 3. БОРТ ПОД ИЛОМ 18
ГЛАВА 4. ЧЕЛОВЕК С БАГРОМ 25
ГЛАВА 5. ЛОЖНЫЙ БЕРЕГ 31
ГЛАВА 6. ХОЗЯИН СТАРОГО РУСЛА 37
ГЛАВА 7. ЧУЖОЙ УЛОВ 43
ГЛАВА 8. ПРОМАХ НА БЕРЕГУ 50
ГЛАВА 9. ПЛОХАЯ СМЕНА 56
Конец ознакомительного фрагмента. 57

RURZAX
Клад с глубины

ГЛАВА 1. ВОДА ИДЁТ НАЗАД

Серебро сперва не обещало неприятностей. Я нашёл старую накладку в размытой глине, спрятал в карман и даже успел подумать, что мне наконец повезло. Потом вода возле берега поползла вспять. С лодки окликнули люди, для которых моя находка уже считалась их собственностью. К ужину я домой не успел. За спиной долго слышался лодочный мотор. Когда он стих, я оглянулся: лодка всё ещё стояла у осыпи, и берег никто не собирался оставлять без присмотра.

За последний месяц я усвоил, что Кобрин умеет прятать нечисть среди обычных прохожих. Дверь может захлопнуться перед человеком по собственной воле, а тёмный перстень на пальце больно отзывается на чужие заклятия. Проверять эти открытия заново не тянуло. После смены хотелось добраться до ужина и хотя бы один вечер не знакомиться с очередным хозяином городских неприятностей.

Река до той поры казалась самым честным существом в округе: течёт куда положено, мочит без разбора, ничего не обещает. Я ошибался. За старым руслом, как выяснилось, следили ещё и те, кому серебро было почти безразлично.

Я сунул находку глубже в карман. Чужие права на этот берег обнаружились раньше, чем я успел выяснить его историю.

Дождь закончился к обеду. Он прошёлся по городу основательно, без всяких намёков на вежливость: залил колеи, забил ливнёвки листьями, размыл дорожки в скверах и заставил водителей вспомнить, что тормозной путь на мокром асфальте существует не для красоты. В мастерской весь день пахло резиной, горячим железом и мокрой одеждой. К концу смены я чувствовал себя частью оборудования, которое забыли выключить.

Кисть правой руки ещё иногда ныла. Не постоянно, не так, чтобы нельзя было держать инструмент, но при резком движении отзывалась тупой болью. На вопрос Павла я отвечал коротко: перетрудил. Рука даже позволяла эту версию разыгрывать — пока не требовалось что-нибудь удержать. Иногда я сам почти верил в объяснение Павла. Но стоило взглянуть на перстень, и память немедленно исправляла ошибку.

Когда мастерская опустела, я переоделся, прихватил небольшую лопатку. К реке поехал после дождя: старое русло могло открыть то, что годами пряталось между корнями. Находки такого рода долго не ждут. Кто первым увидел, тому и решать, стоит ли тянуться за ними.

Место я приметил несколько дней назад, когда возвращался с окраины. Тогда берег выглядел обычным: осыпавшаяся глина, кусты и тёмная полоса мокрого песка. После дождя я решил проверить, что обнажила вода. У обочины темнели свежие колеи: кто-то уже сворачивал к руслу. Я списал их на рыбаков. Зря.

Я оставил машину у дороги и спустился по вытоптанной тропе. Внизу пахло сырой землёй и тиной. Река поднялась, но не настолько, чтобы скрыть весь берег. Вода несла ветки и клочья травы. На противоположной стороне темнели низкие кусты, за ними виднелись крыши частных домов. Город жил своим вечером: где-то лаяла собака, на дороге гудел автобус, над рекой тянулся далёкий шум машин.

Я выбрал участок, где склон обвалился свежей полосой. Земля лежала комьями, корни торчали наружу. Между ними блестели мелкие камни. Я присел, провёл ладонью по гальке и сразу заметил круглый ржавый край.

Сначала я принял находку за кусок трубы, но металл оказался слишком тонким, а изгиб — ровным. Я расчистил вокруг неё землю лопаткой. Металл сидел плотно, но после нескольких осторожных движений поддался. Из глины показался обод, почерневший от ржавчины. Никакой ценности в нём не было, зато он намекал на старый мусорный слой или остатки сооружения под берегом.

Я отложил обод на сухой камень и продолжил осматривать осыпь. Моё воображение уже успело прикинуть размер сундука и стоимость содержимого. Я ткнул лопаткой в очередной ком глины: пока передо мной была только ржавчина.

Между двумя толстыми корнями темнела узкая щель. Её почти полностью забило мокрым песком. Я снял верхний слой, разгреб землю пальцами и наткнулся на плоский предмет. Он лежал ребром, поэтому сначала я принял его за обломок жести. Когда удалось подцепить край, металл блеснул тусклым белым светом.

Серебро.

Я осторожно освободил находку и положил на ладонь. Это была накладка — продолговатая, чуть изогнутая, с двумя отверстиями по краям. На поверхности сохранились мелкие завитки, местами почти стёртые. Никакой надписи, никакого герба, который можно было бы сразу узнать. Потемневший металл всё равно выдавал себя характерным блеском.

Я провёл большим пальцем по краю и почувствовал, как сердце забилось чаще. Вот ради таких минут люди и возвращаются на берег после работы, хотя дома ждёт горячая еда, а колени напоминают о возрасте. На ладони лежала старая серебряная накладка, которую вода вытащила из земли. Ради неё стоило промочить ноги и испачкать куртку.

— Ну здравствуй, — сказал я ей.

Накладка, как и следовало ожидать, не ответила.

Я спрятал находку во внутренний карман и вернулся взглядом к осыпи. Рядом из-под корней торчала тонкая полоска дерева, почти чёрная. Я потянул за неё. Рыхлый край раскрошился в пальцах, но глубже сохранился плотный кусок. В нос ударил запах старой смолы. Дерево явно пролежало в воде много лет.

Я вытащил его осторожно. На ладони остался обломок шириной в два пальца. Одна сторона была гладкой, другая покрыта тёмным налётом. Смола держалась даже после долгого пребывания в воде. Я повертел дерево и посмотрел вниз по склону. В нескольких шагах берег был срезан почти вертикально. Там, где глина осыпалась, виднелась старая кладка. Узкие щели между камнями прежде забивали ил и корни; теперь вода их частично вымыла. Чуть ниже, под мутной поверхностью, тянулась прямая тёмная кромка. Она напоминала край деревянного борта, но с берега трудно было понять, что именно скрывается в воде.

Я положил обломок доски на сухой выступ камня и не стал сразу лезть к кладке. Под подошвой поползла рыхлая глина. Обвал мог утянуть меня вместе с кустами, и я отступил на камень повыше. Сверху осыпь выглядела ещё ненадёжнее: свежая грязь медленно оседала к воде.

Вода у самой осыпи двигалась странно.

Сначала я решил, что это оптический обман. На поверхности плавала длинная щепка. Её подхватило обычным течением, но возле выступа кладки щепка вдруг замедлилась, повернулась боком и поползла обратно. Я проследил за ней взглядом. Щепку подхватил водоворот? Бывает. Зацепило корнем? Тоже возможно.

Потом в ту же сторону двинулась ещё одна щепка. За ней — тонкий стебель камыша.

Я поднялся повыше и посмотрел на реку целиком. Основной поток шёл вниз, как ему и полагалось. Но узкая полоса вдоль берега тянула мусор в обратную сторону. У камня мог закрутиться водоворот, но здесь мусор тянуло вдоль целого участка берега. Вода упрямо тянулась обратно, к истоку.

Я присел, чтобы рассмотреть ближе. Холодный воздух от реки ударил в лицо. В ушах на миг загудело, словно кто-то провёл мокрым пальцем по краю огромного бокала. Я моргнул, и гул исчез. Никакого видимого источника не было.

— Только этого не хватало, — пробормотал я.

Перстень молчал. Клады и чужие намерения «Чёрный отклик» находить не умел. Он мог перехватить часть одного направленного боевого заклятия, ударившего прямо по мне, и выбросить короткий ответный импульс. Расплачивался я болью в кисти и слабостью. Поток воды, обвал и власть чужого места ему не подчинялись. После Жилина я прекрасно понимал, насколько опасно ждать от кольца невозможного.

Я решил отойти от кромки. Сделал шаг вверх, потом ещё один. В этот момент обратная полоса воды резко расширилась.

Река ударила в берег.

Я успел увидеть, как поверхность поднялась косым валом. Невысокий вал шёл наискось, тяжёлый и быстрый. Вода рванула поперёк обычного течения. Она врезалась в осыпь, смыла глину у моих ног и сбила меня с камня.

Я упал на бок. Локоть ударился о землю, ладонь скользнула по мокрой гальке. Вода накрыла ботинки, затем колени. Меня потащило вниз, к кладке. Пальцы зацепились за корень, но земля под ним подалась. Вторая рука вцепилась в выступающий камень. Холод пробил штаны и куртку, дыхание перехватило.

Перстень молчал: меня смывало водой, а не било направленным заклятием.

Я подтянулся на руках и упёрся ногой в выступ. Корень лопнул с мокрым треском. Меня снова повело вниз. Пальцы нащупали щель между камнями. Я вжал ботинок в склон и выкарабкался на более ровный участок. Вода отступила так же резко, как пришла. По берегу покатились камни, а внизу закружились ветки и куски глины.

Я лежал на боку и пытался вдохнуть без кашля. Правая кисть горела. Я содрал кожу на ладони, ушиб локоть. Вода стекала с куртки, забираясь под воротник. Серебряная накладка осталась во внутреннем кармане. Я машинально проверил карман и, убедившись, что находка цела, выругался.

— Прекрасно. Первый день, первая находка, уже купание.

Никто не оценил шутку. На противоположном берегу продолжала лаять собака.

Я сел и посмотрел на место, откуда меня смыло. Свежая осыпь стала шире. Между камнями теперь виднелась тёмная щель, а ниже вода била в выступ кладки. Я не заметил ни вспышки, ни силуэта, ни лица под поверхностью. Только обратный вал, который возник без видимой причины и исчез, оставив после себя размытый берег.

Надо было уходить. Мокрая одежда, больная рука, темнеющее небо и неизвестная магическая дрянь в реке — вполне убедительные доводы. Любой здравомыслящий человек уже сидел бы в машине. Но серебряная накладка лежала в кармане, а под водой тянулась тёмная кромка. Мне хотелось хотя бы понять, насколько далеко она уходит.

Я поднялся и отошёл к более высокому месту. По пути прихватил с камня обломок доски и положил рядом с ботинком. Отсюда прямая кромка ещё просматривалась под водой; её дальний конец терялся в мутной глубине. Я запомнил место по кривой иве, нависшей над берегом. С этого места реку было видно, а к самой кромке подходить больше не требовалось. Достал телефон, проверил время и убрал обратно. Звонить Марине пока не хотелось: я не мог толком объяснить, что случилось. Фраза «кажется, вода пошла назад» наверняка закончилась бы советом держаться подальше от реки. Я уже получил такой совет от собственной промокшей одежды.

Снизу донёсся скрип дерева.

Я повернул голову. По течению шла лодка. Небольшая, плоскодонная, с тёмными бортами. В ней сидели двое мужчин. Один держал весло, второй стоял у носа и смотрел на берег.

Лодка двигалась медленно, хотя течение в середине реки было заметным. Мужчины явно знали этот участок и не выглядели случайными рыбаками, решившими прокатиться после дождя.

Лодка повернула к берегу и приткнулась носом к мелководью. Стоявший у носа поднял руку.

— Эй! Ты там чего потерял?

— Пока только равновесие, — ответил я.

Он не улыбнулся.

— Вода поднялась?

— Сам видишь.

— Видим. Что нашёл?

Я всмотрелся в него. Куртка на нём была рабочая, тёмная, без знаков и надписей. Лицо широкое, нос сломан когда-то давно. Второй мужчина сидел молча и придерживал лодку веслом. На дне лодки лежали багор, короткая верёвка и несколько мокрых досок.

— Камни, — сказал я. — Берег размыло.

— Камни мы и сами видим. Железо какое-нибудь не вылезло?

Я пожал плечом и тут же пожалел, что невольно коснулся внутреннего кармана. Мужчина следил за моей рукой. Возможно, он заметил это движение ещё после падения. А может, просто умел задавать вопросы так, чтобы собеседник сам выдавал нужное.

— Старый обод. Ржавый. Можешь забрать, если нравится.

— А серебро?

Я не ответил.

Мужчина у носа лодки спрыгнул на мелководье. Вода доходила ему до голени. Второй остался на месте, придерживая лодку. Незнакомец пошёл к осыпи, не торопясь, но и не спрашивая разрешения. Он остановился возле ржавого обода, поднял его и повертел в руках.

— Это откуда?

— Из земли.

— Тут много чего из земли выходит.

— Тогда тебе повезло. Будет из чего выбирать.

Он бросил обод обратно на камни. Потом посмотрел на тёмный обломок доски, который я положил рядом с собой.

— Дай глянуть.

— Смотри глазами.

— Упрямый?

— Мокрый.

Он усмехнулся, но в глазах у него ничего весёлого не появилось. Мужчина сделал ещё шаг. Я отступил за крупный камень на склоне: теперь незнакомцу пришлось бы обойти его, чтобы подобраться вплотную. Я прижал локоть к боку и посмотрел на багор в лодке. На такой осыпи любое падение могло закончить спор за нас обоих.

— Мы здесь работаем, — сказал он. — Поднимаем груз со дна. Если что-то всплыло, лучше сразу договориться.

— О чём?

— О том, чтобы не мешать друг другу.

— Я пока никому не мешаю.

— Пока.

Слово прозвучало спокойно, почти буднично. Незнакомец явно считал участок своим. На борту лодки не оказалось названия. Второй мужчина молчал, но крепко держал весло. Я мог уйти с серебром, а они остались бы у осыпи. Драться из-за найденной накладки означало рискнуть больной рукой и самой находкой. Пока мне хватало неприятностей от реки.

— Я закончил, — сказал я.

— Уже?

— Видишь, как быстро мы договорились.

Я поднял с камня обломок доски, сунул его в пустой пакет из сумки и направился вдоль берега, выбирая камни покрупнее. Незнакомец не стал хватать меня за куртку. Только проводил взглядом и крикнул вслед:

— Если ещё что найдёшь, неси на причал. Спросишь Руднева.

Фамилию я запомнил. Не потому, что она что-то мне говорила, а потому, что человек произнёс её с уверенностью хозяина. Лодка осталась у осыпи. Когда я оглянулся через несколько десятков шагов, незнакомец уже нагнулся над водой и что-то показывал своему товарищу. К ободу они больше не притронулись. Их интересовало дно.

Я поднялся по тропе к дороге. На ходу проверил карман. Накладка была на месте. Обломок смолёной доски лежал в пакете. От него пахло старой лодочной обшивкой, а такой запах в речной глине вряд ли появился случайно.

До машины я дошёл медленно. Правая рука начинала деревенеть от холода. Я сел, завёл двигатель, включил печку и положил мокрые перчатки на пассажирское сиденье. В зеркале заднего вида увидел своё лицо: грязь на щеке, волосы прилипли ко лбу, на подбородке тонкая царапина. Вид у меня был такой, словно я проиграл спор с канализацией.

Я достал серебряную накладку и положил на ладонь. С виду — скромная вещица, но под жёлтым светом салонной лампы завитки проступали отчётливее. На одном краю сохранилась маленькая вмятина. Отверстия для крепления были вытянуты, словно накладку когда-то снимали силой или она долго тёрлась о дерево.

Я убрал её обратно. Сначала следовало привести себя в порядок. Серебро подождёт; правая рука и мокрая куртка уже предъявили счёт. Платон мог оценить серебро и подсказать, насколько вещь старая. Фёдор Ершов из «Второй полки» тоже разбирался в старине, но знакомство с ним пока оставалось только одним из возможных вариантов. Тащить в магазин каждую найденную железку я всё равно не собирался.

Я прибавил обогрев. Вентилятор зашумел сильнее. Перед выездом я задержал взгляд на реке.

С верхней дороги берег просматривался между деревьями. Вода снова шла привычно, вниз по руслу. Лодка стояла у осыпи. Один из мужчин поднял багор и опустил его в воду. Второй придерживал борт. Никакой обратной волны, никакого гула. Только обычная мутная река после дождя.

Я проехал несколько метров и остановился у обочины. В голове крутилась одна деталь: вода ударила не по всему берегу. Вал ударил узкой полосой прямо в выступ кладки. И именно там, где открылись щели, лежала серебряная накладка и пахло старой смолой.

Я не знал, что это означает. Не знал, кто такие люди Руднева и какой груз они искали под водой. Не знал даже, действительно ли под водой лежала баржа или мне попался кусок старого причала. Но теперь у меня было три вещи, которые стоило проверить: серебро, смолёная доска и прямая тёмная кромка под мутной водой.

С последней я решил начать.

Завтра здесь снова будут люди Руднева. Я ещё раз взглянул в зеркало на лодку у старой кладки. Мужчины работали с таким упорством, будто знали, что под водой лежит нечто дороже серебряной накладки. Возвращаться сейчас означало бы выйти к ним без всякого преимущества.

Я достал из бардачка старую хлопчатую тряпку и промокнул ладонь. Крови было немного, зато в ссадину набился песок. Я промыл ладонь водой из бутылки. Песок выходил неохотно, и от каждого прикосновения пальцы сами сжимались. На костяшках выступили красные полосы. Правая кисть после падения слушалась хуже, чем утром. Я попробовал сжать пальцы, потом разогнуть. Получилось, хотя большой палец отозвался неприятным уколом.

На пассажирском сиденье лежал обломок доски. Я развернул пакет. Смоляной запах стал слабее, а на торце теперь отчётливо виднелся ровный старый срез. Может, кусок обшивки, может, настила — по одному обломку не поймёшь. Но дерево долго пролежало в воде. Если его выбросило из-под гальки, рядом мог сохраниться и целый фрагмент корпуса.

Я представил, как снова спускаюсь к осыпи, и посмотрел на мокрые штаны. Сегодняшний спуск уже закончился. После второго падения меня могли бы вытаскивать из реки как раз те люди, с которыми меньше всего хотелось разговаривать. К тому же незнакомцы остались на месте. Они знали участок и явно рассчитывали вернуться. Значит, завтра мне придётся быть внимательнее и не подходить к воде со стороны, где меня легко заметить.

Когда со стекла сошёл пар, я ещё раз взглянул на берег через зеркало. Мужчины в лодке работали молча. Один опустил багор почти вертикально, второй медленно повёл лодку вдоль осыпи. Багор снова ушёл в воду точно у старой кладки. За рыбой так упорно не охотятся. От этой мысли мне стало холоднее, чем от мокрой куртки.

Я включил поворотник и выехал на дорогу. В кармане лежало серебро, в салоне пахло мокрой одеждой, а за спиной двое незнакомцев прочёсывали дно у старой кладки. Они запомнили меня. Я запомнил фамилию Руднева. Когда один из мужчин поднял голову, мне показалось, что он смотрит прямо в зеркало моей машины. Я свернул за поворот, а серебро в кармане вдруг стало неприятно тяжёлым.

ГЛАВА 2. НЕПРОШЕНАЯ ВОДА

Наутро кто-то трижды стукнул в дверь моей квартиры. Семён выскочил из кухни с мокрой тряпкой в руке и таким лицом, будто уже знал виновного. За дверью никого не оказалось. По внешнему краю порога тянулась полоска речного песка. Я проверил замок: он был закрыт. Пахло тиной — так, словно кто-то принёс сюда кусочек вчерашнего берега. Семён поглядывал на мои ботинки у батареи, но они давно высохли.

На табурете у окна лежали две находки: серебряная накладка, завёрнутая в старое полотенце, и обломок просмолённой доски. Вчера я вытащил их из размытого берега старого русла. Ржавый обод, который первым показался из глины, остался там. Ещё один кусок железа — и Семён переименует квартиру в свалку, а меня в её заведующего.

Правая кисть ныла после падения на мокрые камни. Пальцы сгибались, но крепко сжать что-либо не получалось. Левой рукой я развернул полотенце, стараясь не задеть больные пальцы. Накладка оказалась длиннее ладони, с потемневшими краями и двумя вытянутыми отверстиями под крепёж. На серебре сохранились мелкие завитки; под грязью они напоминали волны. Никаких надписей и готовых ответов. Зато настоящий серебряный предмет лежал у меня дома, а чужие люди уже знали, где я живу.

— Ты собираешься устроить тут рыбный отдел? — спросил Семён из-за кухонного косяка.

Домовой напоминал маленького рассерженного мужика в жилетке. Судя по прищуренным глазам, перечень моих преступлений против домашнего уюта он составил ещё ночью.

— Доброе утро.

— Для кого? Ты вчера полреки принёс. Я до рассвета песок выметал. Он у тебя даже в ботинках не заканчивается.

— Ботинки я оставил у двери.

— Вот именно. У двери. А дверь, между прочим, моя забота.

Я налил в миску воды, поставил её на стол и стал снимать с накладки засохшую глину. Семён держался поодаль. После истории с Коргиным он особенно не любил вещи, которые попадали к нам вместе с неприятностями. Стоило мне перевернуть серебро, как домовой дёрнулся и схватил меня за рукав. На поверхности воды побежала мелкая рябь. Стол не шевелился.

— Не надо её будить, — прошептал Семён.

Я замер. На серебре темнела старая вмятина; отверстия для креплений были вытянуты, будто накладку когда-то вырвали из дерева. Я положил её на полотенце. Рябь в миске улеглась.

— Это она? — спросил я.

— Я бы с удовольствием сказал, что у тебя руки кривые, — ответил домовой. — Но миску я не трогал. Унеси своё сокровище подальше от моей кухни.

— Думаешь, вещь опасная?

— Пока не знаю.

— Прекрасно. Уже легче дышать.

Семён обошёл стол, так и не прикоснувшись к находке. Я отодвинул полотенце, а обломок доски положил отдельно. Он мог быть частью старой обшивки или настила. На торце проступила капля воды. За ночь дерево должно было хотя бы немного подсохнуть, но с него по-прежнему тянуло речной сыростью.

В коридоре тихо стукнула дверь. Кухонный проём на миг отодвинулся; прихожая вытянулась ещё на шаг. Семён выругался, хлопнул ладонью по косяку, и расстояние снова сделалось привычным.

— Не таскай это через мой порог без предупреждения, — буркнул он.

— Ты сам дверь передвинул?

— Я её удержал. Она и без твоего речного барахла хлопать умеет.

Накладка по-прежнему лежала на столе. Никогда не думал, что стану радоваться неподвижности серебра. Вчера вода у старого русла пошла вспять, сегодня дрогнула миска и повело дверной проём. Связывать всё это с серебром было рано. Семён и раньше умел ненадолго переставлять знакомые двери внутри квартиры, особенно когда защищал своё хозяйство.

— Уберу в сухое место, — сказал я.

— Лучше в чужое.

Я завернул серебро в сухую ткань и убрал в ящик стола. Доску оставил на подоконнике поверх газеты, подальше от дверей. Семён демонстративно принёс ещё одну тряпку и положил рядом, как последнее предупреждение перед выселением.

Ночью мне снился берег: чёрная кромка под водой, лодка и двое мужчин, один из которых помянул Руднева. Проснулся я от того, что попытался ухватиться за край одеяла больной рукой. Перстень «Чёрный отклик» вчера не помог — его сила отвечала только на направленный магический удар. Удерживать человека на скользком берегу он не умел. Да и за собственные удары магии уже не раз расплачивался моей кистью.

Я натянул рабочую куртку, взял ключи и отправился в мастерскую. Съёмная квартира осталась позади вместе с запахом тины. До вечера у меня была обычная работа. Хотелось бы, чтобы и мысли занялись ею.

Кобрин просыпался без всякого уважения к моим приключениям. Автобус обдал грязной водой людей на остановке, у пекарни разгружали ящики, две женщины у киоска спорили о цене помидоров. Водители ругались на светофоре. Я доехал до мастерской почти спокойно. По крайней мере, ни одна лужа на дороге не попыталась пойти против движения.

В мастерской уже гремел инструмент. Наш старший, Павел, стоял у машины с открытым капотом и разговаривал с владельцем. По лицу того было видно: он надеялся, что поломка исчезнет от сочувствия. Павел такой магией не владел.

— Горин, — сказал он, едва заметил меня. — Ты вчера после смены куда делся?

— Гулял.

— Судя по руке, гулял по лестнице вниз головой.

— По берегу. Поскользнулся.

Павел посмотрел на мою кисть, потом на очередь машин у ворот. Лекции читать не стал. Просто ткнул пальцем в сторону ближайшего рабочего места.

— Сегодня без геройства. Бери работу, с которой справишься. И не вздумай ронять чужие детали.

Первый час прошёл спокойно. Потом у ворот остановился старый фургон, из которого вышли двое. Первый объявил, что его машина сломалась и ждать он не намерен; второй даже не взглянул на двигатель. Вместо этого он разглядывал мои руки. Когда Павел указал на очередь, первый схватил его за куртку. Я шагнул между ними, по привычке перехватил чужое запястье правой рукой и сразу пожалел об этом: пальцы ослабли от боли.

— Коля, помоги с гостями, — сказал я, прикрывая кисть локтем.

Второй мужчина приблизился, не отрывая глаз от моего кармана.

— Из русла серебро поднимаешь? — спросил он тихо. — Наш хозяин хотел бы взглянуть.

Серебро я оставил дома. От этого вопрос не стал приятнее. Я отступил к подъёмнику, стараясь держать обоих перед собой. Коля понял без объяснений: поставил между нами тяжёлую тележку и громко спросил, кто отвечает за фургон. Первый отпустил Павла. Второй обошёл тележку, и я толкнул ему под ноги пустой ящик. Тот споткнулся, ударился коленом, но почти не потерял равновесия.

— Передай Рудневу, что записаться на ремонт можно по телефону, — сказал я.

Он на секунду застыл. Значит, угадал. Ударить меня при Павле и Коле он не рискнул; только поднял ящик и швырнул обратно. Дерево разлетелось у стены. Павел распахнул ворота и велел обоим убираться. Они ушли без ремонта, а фургон завёлся с первого поворота ключа.

— Опять клад искал? — спросил Коля, когда машина исчезла за поворотом.

— Судя по посетителям, клад нашёл меня.

— На следующий раз записывай их на платный приём. И левой рукой никого не хватай, если правая уже отказалась.

Павел посмотрел на разбитый ящик и на мою кисть. Расспросов не последовало. Он поручил мне простую работу, зато попросил держаться подальше от ворот до конца смены. Я взял инструмент левой рукой. У меня имелись свидетели неприятного визита и наконец появилось доказательство: Руднев способен достать меня среди бела дня в Кобрине. Ни один берег для этого не требовался.

В короткий перерыв я вышел во двор. У ворот пахло асфальтом, бензином и кофе. Пальцы тогда разжались слишком легко. После такого спускаться к воде одному я больше не собирался. Там за такую ошибку можно было расплатиться куда дороже. Лучше позвать Важина. Он открыл в Кобрине собственное коллекторское агентство и умел разговаривать с упрямцами так, что те хотя бы начинали слушать. Да и в драке Григорий был полезнее моей повреждённой руки.

Телефон завибрировал. На экране высветилось: «Мама». Я ответил, пока Коля не успел снова поинтересоваться моими прогулками.

— Артём, ты на работе?

— Да. Всё как обычно.

— У тебя голос хриплый.

— С утра разговаривал с машиной. Она меня не слушала.

— Ты хоть ел?

— Ел.

— Что?

Кофе так и остался недопитым. Мама задавала вопросы с такой скоростью, что любая ложь застревала уже на втором.

— Сейчас пойду.

— Вот и иди. Отец передаёт, чтобы ты отдыхать не забывал. Сам, конечно, отдыхает исключительно с лопатой.

На заднем плане проворчал Игорь Павлович. Мама засмеялась. Я пообещал позвонить на выходных. Родители жили в своём доме далеко от Кобрина и ничего не знали о моих встречах с нечистью. Хорошо бы им и дальше думать, что главные мои неприятности — работа и редкие поездки с лопатой.

После обеда смена затянулась. Я поймал себя на том, что смотрю на масляное пятно у подъёмника и представляю под ним тёмный борт баржи. Пришлось отложить ключ, перевести дух и заново проверить, что держу в руках. Клиенты платили мне за работу, и очередная оплошность едва ли понравилась бы Павлу.

Когда Павел отпустил меня, город уже гудел вечерними пробками. Я купил хлеб и готовый ужин, сел в машину и несколько минут наблюдал, как люди переходят улицу. Вчера я чуть не утонул на раскопанном берегу. Сегодня отработал смену с больной кистью. А завтра собирался вернуться туда, где меня едва не утащило в реку. Сомнительный способ проводить свободное время.

Марине я позвонил по дороге. Сказал, что нашёл серебряную вещь и хочу показать. Она сразу спросила, цел ли я. Пришлось признаться, что «почти» — понятие растяжимое.

— Приезжай, — сказала она. — Только без мешка речного ила.

— Семён уже установил такой же запрет.

— Значит, у нас впервые совпали взгляды на хозяйство.

Я заехал домой, переложил накладку в чистую сухую ткань и оставил доску на подоконнике. Семён сидел рядом с ней, как сторож у подозрительного груза.

— Не трогал? — спросил я.

— Она мне не родственница. Зачем бы я её трогал?

— Не двигалась?

— Деревяшка? Нет. А вот ты опять к ночи куда-то собрался.

— К Марине.

— Серебро ей покажи. Пусть объяснит, почему у тебя вода вместо мозгов.

Я промолчал. Семён весь день сторожил принесённую с реки доску и заслужил право ворчать.

Марина встретила меня без торжественности. На столе стояли две чашки чая, у окна лежала закрытая книга. Я положил свёрток на свободное место. Марина развернула ткань и некоторое время рассматривала серебро, не прикасаясь к нему.

— Где нашёл?

— На подмытом берегу старого русла. После дождя осыпалась глина. Сначала нашёл ржавый обод, рядом — эту накладку. Потом вытащил кусок смолёной доски. Ниже под водой виднелась длинная прямая кромка. Может, борт.

— Ты был один?

— Сначала. Потом приплыли двое на лодке. Один назвал фамилию Руднева. Спрашивали про железо, особенно про ржавый обод.

Марина подняла глаза.

— Железку?

— Обод. Оставил на берегу. Они его осмотрели, а потом принялись багром прощупывать дно. Что делали после моего отъезда, не знаю.

— Хорошо, что ты с ними не сцепился.

— Мы немного поспорили. Потом вода решила высказаться.

Я рассказал, как узкая полоса течения вдруг развернулась и ударила в берег. Одна волна сбила меня с ног, подмыла склон и тут же исчезла. Марина выслушала всё, взяла накладку двумя пальцами и поднесла к свету. На лице у неё не появилось выражения человека, который уже нашёл ответ.

— Серебро обычное, — сказала она наконец. — Работа старая. След на нём есть, но это не заклятие, которое можно снять с предмета.

— От чего?

— От сильной речной силы в том месте. Как запах дыма на одежде после пожара. Само по себе серебро ничего не показывает и никуда не ведёт.

— Значит, не стрелка к сундуку.

— Артём, если бы клады находились по стрелкам, ты бы уже бросил мастерскую.

— Я бы сначала купил новые ботинки.

Марина положила накладку на ткань. Она не стала показывать мне в зеркале дно реки и обещать готовую дорогу к кладу. Пришлось самому разбираться, что скрывается под илом.

— Судя по твоему рассказу, на этом участке действует чья-то власть над водой, — сказала она. — Чья именно, я пока не знаю. И если тебя снова ударит волной, перстень не поможет.

— Проверил на себе.

— Больше так не проверяй.

Она заметила, как я держу чашку левой рукой, и нахмурилась. Я объяснил про падение. Марина велела не нагружать кисть и проследить, чтобы боль не усиливалась. Исцелять её одним движением она не собиралась, и я был ей за это благодарен: после прошлых приключений слишком хорошо знал цену чудесам.

— Думаю, там баржа, — сказал я. — Под водой видна ровная кромка. Если накладку сорвало с какого-то ящика или обшивки, рядом может остаться груз.

— Может. А может, его давно размыло и унесло. Течение менялось и до вчерашнего дня.

— Вот потому и хочу осмотреть берег, пока вода не поднялась снова.

— Осмотреть можно. Лезть в воду вслепую — плохая мысль.

— Я и не собираюсь нырять за сундуком сегодня ночью.

— Ты так выделил «сегодня», будто завтра нырять уже разумно.

Я промолчал. Марина отлично слышала то, что я пытался спрятать между словами.

Она проводила меня до двери. На пороге задержалась, посмотрела на свёрток у меня в руке и сказала:

— У такого берега может быть хозяин. Ты поднял с него вещь и едва не утонул. Там вполне могут жить существа, которым твои раскопки не понравятся.

— Кто именно?

— Я у берега не была. Придумывать не стану.

Это было неприятно, зато я хотя бы не получил ложной уверенности. Пока я видел только лодку с людьми Руднева и странный поток. Остальное пряталось под мутной водой.

По дороге домой я заехал в ещё открытый хозяйственный магазин. Купил сухие рабочие перчатки и моток тонкой верёвки. Продавец заметил засохшую глину на ботинках и спросил, не собираюсь ли я на рыбалку. Я сказал, что завтра хочу осмотреть старый берег. Он сразу потерял интерес: рыбаку ещё можно посочувствовать, а человеку с лопатой обычно предлагают самому разбираться со своими странностями.

В машине я положил покупки на пассажирское сиденье и вспомнил лодочников. Прицепившись к ржавому ободу, они всё же работали багром над дном, а накладку я увёз с собой. Были ли эти вещи связаны, пока никто не знал. Меня мучил другой вопрос: отчего люди, которые явно понимали, где искать, терпеливо прощупывали одну точку? Может, берег скрывал лишь обломки. Может, их интересовало что-то тяжелее серебра. Никто не собирался выдавать ответы бесплатно. Придётся искать самому.

Дома Семён первым делом потребовал показать покупки. Он осмотрел верёвку, ткнул пальцем в лопатку, которую я достал из своей сумки, и вынес заключение:

— Отлично. Теперь у тебя есть всё, чтобы закопать себя поудобнее.

— Я завтра только проверю берег.

— Конечно. А вчера ты только погулять вышел.

Я сложил покупки в сумку, а накладку спрятал в ящик. Продавать её пока не собирался: это была единственная серебряная вещь, которую мне удалось поднять с берега. Возможно, она относилась к затонувшему судну, но доказывать это было рано. Семён посмотрел на влажную доску и заявил, что ещё одна капля на подоконнике — и мы оба будем жить в подъезде.

За ужином я позвонил Важину. Он ответил не сразу. На заднем плане кто-то громко возмущался размером своего долга. Григорий попросил собеседника подождать и переключился на меня.

— Ты живой?

— Пока да.

— Неубедительно звучит.

— У меня просьба. Завтра после работы съездишь со мной к старому руслу? Там появились люди Руднева.

— У меня агентство, Горин, а не кружок вечерних прогулок. Но после работы подъеду. Только без драки до моего приезда.

— Постараюсь.

Он тяжело вздохнул. Кажется, этот ответ ему не понравился.

Я рассказал ему про лодку, ржавый обод и воду, которая неожиданно пошла назад. Григорий перестал шутить.

— Больше на берегу кого-нибудь видел?

— Только этих двоих.

— Тогда завтра сперва посмотрим сверху. Если люди Руднева работают там второй день, они уже присмотрели удобные подходы.

— А сам Руднев?

— С ним познакомишься, если будет необходимость. Сейчас нам хватит тех, кто ходит с баграми.

После разговора я положил телефон на стол. Вчера едва выбрался из реки. Сегодня не смог удержать чужое запястье. Я натянул на правую кисть сухую перчатку: пальцы сгибались плохо, пришлось помогать левой рукой. Завтра лезть к воде одному точно нельзя.

Семён, услышав про Важина, удовлетворённо хмыкнул:

— Наконец-то найдётся кто-то достаточно большой, чтобы вытащить тебя за шиворот.

— Если сначала не спросит, куда я опять залез, — возразил я.

Семён выключил свет в прихожей, хотя я его об этом не просил. Потом заглянул в комнату.

— Спать ложись. Ты завтра людям машины чинить будешь или рыбам хвосты крутить?

— Машины.

— Вот и держись за работу. Она хотя бы на берег не убегает.

После сегодняшней смены даже обычная машина казалась существом с характером. Шутку на эту тему я оставил при себе. За окном шуршали по мокрой улице шины. Вода капала с подоконника на жестяной отлив. Я слушал этот обычный вечерний шум и снова видел под мутной поверхностью прямую чёрную кромку.

Я уже убирал серебро, когда в прихожей щёлкнул замок. Ключ я оставил в кармане. Семён перестал ругаться на мокрые ботинки и тихо произнёс: «К двери не ходи». Сперва подумал, что домовой снова устанавливает в квартире свои порядки. Потом кто-то снаружи толкнул створку так, что по полу посыпалась штукатурка.

Я выключил лампу. На площадке шепнули: «У него серебро. Быстро». Тот, кто произнёс это, уже побывал сегодня у ворот мастерской: низкий голос я запомнил прекрасно. Люди Руднева больше не собирались ждать моего следующего похода к реке. Они пришли за находкой домой, пока я рассчитывал, сколько она может стоить.

Семён поднял ладонь, и знакомая дверь кухни оказалась там, где секунду назад был проход в спальню. Ворвавшийся мужчина проскочил мимо меня и врезался в мой стол. Ещё один остался за порогом. Домовой загнал гостя в замкнутый коридор, однако заодно запер там и меня. Дважды я выбегал из кухни и оба раза возвращался к холодильнику.

— Великолепно, — выдохнул я. — Поймал преступника и хозяина по одной цене.

— Не мешай работать! — прошипел Семён.

Чужак рванулся к столу с серебром. Я ударил его плечом и сам едва удержался: больная кисть отозвалась так, будто её сунули в тиски. Мужчина схватил полотенце, но накладка выскользнула и со звоном упала под диван. Пока я закрывал к ней путь, незнакомец поднял телефон. На экране мелькнул серебряный край. Короткий торжествующий смешок подсказал: серебро он успел сфотографировать.

Семён сердито хлопнул дверью, и проходы вернулись на места. Незнакомец вылетел на лестницу, задев плечом косяк. Я выбежал следом, но второй мужчина снаружи уже тянул товарища к выходу. Догонять их по мокрым ступеням с одной здоровой рукой было бы подарком, о котором Руднев не мечтал даже в самые жадные дни. В квартире остались погнутый порог, перевёрнутый стул и домовой, смертельно оскорблённый тем, что его ловушку назвали неудачной.

— Мог бы предупредить, что из кухни выход платный, — сказал я.

— Ты хоть серебро сохранил? — Семён поднял со стола пустое полотенце.

— Сохранил. А вот снимок у них теперь есть.

— Значит, пора менять гостей. Эти даже обувь не сняли.

Я достал накладку из-под дивана, спрятал в ящик и позвонил Важину. Рассказал о ночном госте и фотографии серебра. Григорий не стал рассуждать о завтрашних планах. Потребовал больше не открывать дверь незнакомцам и сказал, что утром встретит меня у мастерской. Семён уже объявил, что новую дверь покупаем за счёт клада, и притащил с кухни рулетку. При виде его деловитого лица я заподозрил, что одной дверью расходы не закончатся.

До рассвета Семён сторожил коридор, сердито вышагивая мимо погнутого порога. Я держал телефон рядом с подушкой. Снимок серебра остался у незваного гостя, и никакая домовячья хитрость уже не могла забрать его обратно. Когда на лестнице скрипнула ступенька, я вскочил раньше Семёна. За дверью прошёл сосед с мусорным пакетом. Этажом ниже он кашлянул. Я всё ещё стоял у двери, сжимая телефон так, что побелели пальцы.

ГЛАВА 3. БОРТ ПОД ИЛОМ

Важин перехватил меня у ворот мастерской. На ботинках Григория засохла речная грязь. Он успел сходить к старому руслу, пока я ночью вздрагивал от каждого шага на лестнице. Из соседнего двора выкатил серый фургон с вмятиной на двери. Я узнал машину раньше, чем водителя: вчера двое её пассажиров спрашивали о серебре прямо на моей работе.

— Вот они, — сказал я.

Важин оглянулся. У фургона открылась боковая дверь, человек в тёмной куртке подвинулся к открытой двери, собираясь выйти. Григорий не побежал следом, а шагнул за угол проходной. Незнакомец вылез, шагнул к воротам и наткнулся на Важина. Григорий не повысил голоса. Мужчина посмотрел ему в глаза и попятился к фургону.

— Хозяин прислал посмотреть, что я ношу из мастерской? — спросил я, подходя со стороны улицы.

Мужчина дёрнулся к дверце. Важин не удерживал его. Просто указал на фургон и спросил, сколько ещё раз они намерены мешать людям работать. Человек отступил, сел за руль и резко тронулся. Мы получили право взглянуть на его лицо; он — возможность решить, стоит ли возвращаться.

— Почему не догнал? — спросил я.

— Потому что я собираюсь искать с тобой старый борт, а не объяснять своим сотрудникам, куда пропал хозяин агентства. И потому что теперь этот красавец знает, что мы его заметили.

Он показал на машину, которую оставил у обочины. На заднем сиденье лежала старая куртка, рядом — термос. Важин успел осмотреть склон: у воды появились новые следы багров. Руднев готовился к подъёму чего-то тяжёлого. Моя находка явно интересовала его меньше, чем железо под баржей.

До старого русла мы доехали без хвоста. На выезде из города я проверил зеркало. Серого фургона не было. Важин не произнёс ни слова, но на сиденье между нами положил телефон так, чтобы оба могли быстро дотянуться до него. В первый раз мы ехали не просто за серебром. По крайней мере один человек уже знал, где искать нас после работы.

Машину оставили у заброшенного съезда, дальше пошли пешком. Важин шагал легко, хотя после прежних стычек я давно перестал считать его неуязвимым. Он тоже берег силы, просто делал это без жалоб. У меня получалось хуже.

— Позавчера здесь была лодка, — напомнил я, когда между кустами показалась серая полоса реки. — Двое. Один упомянул Руднева.

— А сегодня здесь уже крюки. Посмотрим, куда они ведут.

— А заодно, может, найдём ещё серебро.

— Ты даже угрозы умеешь превращать в повод копать.

— Это называется профессиональный интерес.

Важин покосился на лопатку, которую я нёс в левой руке.

— Только не пытайся одной рукой доказать берегу, кто здесь главный.

Спуск оказался хуже, чем накануне. Подсохшая сверху глина скрывала мокрую скользкую сердцевину. Я съехал на пятках почти до самого низа и удержался за куст. Важин спустился рядом без малейшего напряжения, словно по обычной лестнице.

На месте, где я позавчера оставил ржавый обод, теперь лежала свежая осыпь. Железо торчало из неё краем. Я узнал его по выщербине и не стал вытаскивать. В первый день оно было бесполезной тяжестью; теперь показывало, насколько сильно река изменила берег.

— Что ищем? — спросил Важин.

— Полосу тяжёлого наноса. Там, где гравий перемешан с глиной. Вода уносит мелочь, а крупное оставляет возле препятствия.

— Ты это точно знаешь?

— Нет. Но лопата позволяет проверить мнение без собрания экспертов.

Мы прошли вдоль кромки. Под ногами попадались ветки, битое стекло, чёрные комки старого ила. Я старался держаться выше воды. После обратного вала двухдневной давности даже обычный плеск звучал подозрительно. Важин шёл ближе к кустам, иногда останавливался и принюхивался. Он замечал то, что я пропускал: запах свежеразвороченной глины, людей и лодочной смолы.

— Здесь возились недавно, — сказал он у низкой ивы. — Двое или больше. Мокрые сапоги, табак.

— Те самые?

— Нос не выдаёт фамилии.

Я нашёл полосу округлой гальки, уходившую из берега под воду. Камни были тяжелее соседнего песка, между ними застряла коричневая древесная щепа. Чуть выше из глины выглядывала чёрная смолёная кромка. Она шла под углом, который природа обычно оставляет людям: слишком ровно для корня и слишком грубо для современной доски.

Я подобрал сухую ветку и постучал по гальке. Под первым участком звук вышел звонким и коротким. На полшага ниже — глухим, будто под камнями лежала большая пустая коробка.

— Слышишь?

— Слышу, как ты стучишь палкой, — сказал Важин. — И как под тобой осыпается берег.

Я отступил. Комок глины действительно соскользнул к воде, оставив трещину у моего ботинка. Важин подобрал крепкую ветку и положил её поперёк безопасного участка, чтобы мне было за что ухватиться, если склон снова поедет. Мне не понравилось, что он делает это без шуток.

— Я копаю сбоку, — сказал я. — Ты смотри за водой.

— И за тобой. Вода пока ведёт себя разумнее.

Первые удары лопаткой почти ничего не дали. Галька плотно сидела в глине. Я вытаскивал камни по одному и отбрасывал их на сухое место. Копать левой было неудобно: рукоять то и дело скользила. Я переложил лопатку в правую, рассчитывая справиться хотя бы с несколькими камнями, но кисть не удержала её. Я перехватил инструмент левой и неловким движением сдвинул опорный камень. Важин вмешался прежде, чем тот покатился вниз.

— Отдай, — сказал он.

— Я сам.

— Ты сам уже сдвинулся на ладонь к воде.

Он поднял камень и положил подальше от осыпи. После этого снова отошёл. Я упёрся коленом в плотную гальку и принялся расчищать щель. Важин остался рядом, готовый схватить меня за куртку, если склон снова дрогнет.

Под камнем обнаружилась доска — чёрная, размокшая, с узким ребром, в которое когда-то входил железный крепёж. Я соскоблил глину и увидел вторую доску, уходившую вниз параллельно первой. Между ними темнела щель.

— Борт, — сказал я, сам не веря, что произнёс это вслух.

— Или чья-то старая пристань.

— Пристань не должна лежать боком под таким слоем речного камня.

— Значит, проверяй.

Я сунул лопатку в щель. Древесина поддалась с мокрым хрустом. Изнутри вышел пузырь воздуха и пахнуло затхлой водой. Я отдёрнул руку. Ни света, ни чудесного звона не последовало. Просто старое дерево, которое слишком долго терпело чужой вес.

Важин присел рядом и провёл пальцем по верхней кромке.

— Судя по доскам, корпус уходит туда, — показал он вниз по течению. — Под водой ещё несколько метров, а может, больше.

— Ты видишь?

— Нет. Смотрю, куда уходит доска. Это и ты можешь.

Я разозлился на самого себя. После встречи с нечистью слишком легко было ждать от каждого союзника сверхъестественных ответов. Важин всего лишь смотрел, куда уходит деревянная обшивка. Я снова пригнулся к щели и занялся собственной находкой.

Я расширил щель. Лопатка зацепила что-то твёрдое. Сначала решил, что это очередной гвоздь, но предмет не держался в дереве. Он сидел между разошедшимися планками, обёрнутый нитями сгнившей ткани. Я лёг животом на сухую гальку и попытался достать его левой рукой. Не хватало нескольких сантиметров. Важин удержал меня за пояс, пока я осторожно раскачивал находку пальцами правой руки. Каждый рывок отдавался болью в кисти, поэтому пришлось действовать медленно.

Ткань распалась. На ладонь легла серебряная оправа — изогнутая, с тёмными гнёздами под утраченные вставки. Один край был вдавлен, другой покрыт мелкими царапинами. Она не походила на накладку, найденную в первый день, но была сделана из такого же светлого металла. Я потёр её большим пальцем. Под грязью блеснула узкая полоса.

— Вот теперь можешь поздравить, — сказал я.

— С чем?

— С тем, что мы пришли не зря.

— Поздравляю. Ты нашёл вещь, которую ещё придётся унести от воды и людей.

Я завернул оправу в сухую тряпку и убрал во внутренний карман. Важин смотрел не на находку, а на противоположный берег. Я тоже поднял голову, но увидел лишь пустые кусты и полоску дороги за ними.

— Что там?

— Пока ничего. Продолжай.

Меня интересовала не одна оправа. Под досками угадывался старый борт. За прогнившей перегородкой темнела полость, забитая илом. Я коснулся дерева — и из глубины пришёл короткий глухой удар. Впервые показалось, что под берегом сохранилось нечто значительно крупнее случайной серебряной оправы.

— Похоже на грузовой отсек, — сказал я.

— Похоже на место, где ты сейчас провалишься, если полезешь дальше.

Я прижал ладонь к древесине. Под весом руки она прогнулась. Ещё одно усилие — и старый борт мог обрушиться. Я убрал лопатку. Сундук, если он там был, не собирался показываться от одного удачного дня. Серебро оказалось в разошедшейся обшивке, а основной груз мог лежать глубже, под водой и илом. Я пока не знал, сколько там вещей и можно ли вообще до них добраться.

Я опустил камень на верёвке в щель между досками. Он сразу застрял. Стоило потянуть, как сверху посыпалась галька. Важин схватил меня за воротник и отдёрнул назад прежде, чем крупный обломок ударил по пальцам. Обломок соскользнул в воду и исчез почти без всплеска. Я замер, чувствуя, как под коленями продолжает оседать мокрая земля.

— Не надо, — сказал Важин.

— Я ещё ничего не сделал.

— Вот именно. Сохрани это достижение.

Осыпавшаяся глина темнела у моих ботинок. Теперь стало видно, что вода вымыла под камнями полость, а верхний слой держался на нескольких переплетённых корнях. Один корень уже треснул. Если бы я продолжил тянуть верёвку, вместе с галькой туда мог отправиться и я. После позавчерашнего купания повторять этот номер не хотелось.

Мы отошли на пару шагов и обошли обнажившийся участок сверху. Там из земли выступала старая деревянная стойка, почти сгнившая у основания. Я осторожно нажал на неё носком ботинка. Стойка покачнулась, но не упала. За ней начиналась полоса более плотного грунта, с которой можно было рассмотреть борт, не наступая на пустоту. Я положил на краю два крупных камня: если вернусь, они помогут узнать опасное место ещё до спуска.

— У тебя талант, — заметил Важин.

— К чему?

— Сначала находить неприятности, потом придумывать, как к ним вернуться.

— Называется упорство.

— Упрямство. Упорство обычно приносит пользу окружающим.

Я обошёл опасный участок. Отсюда стало видно, что поперечная перегородка не была сплошной. Под ней темнел узкий проём, забитый илом и обрывками старого каната. Через него могла уходить вода, а вместе с ней мелкие вещи из грузового отсека. Оправу, возможно, вынесло именно туда, где разошлись доски. Теперь стало понятнее, почему оправа оказалась далеко от остальных вещей.

Я вытащил из щели кусок каната. Он расползся в руках, оставив на перчатках чёрную кашу. За ним показался плоский камень, заклинивший проход. Дёргать его я не рискнул. Если под ним держалась часть обшивки, один неосторожный рывок мог закрыть доступ к грузу окончательно. Я стряхнул с перчаток чёрную труху и выпрямился. Важин стоял выше по склону и смотрел на меня с таким видом, будто уже прикидывал, за какой воротник хватать в следующий раз.

— Ты ведь всё равно придёшь снова? — спросил Важин.

— Если она не уплывёт.

— По состоянию дерева ей трудно будет даже развалиться красиво.

Я хотел ответить, но по воде прокатился далёкий рокот мотора. Важин выпрямился и посмотрел на поворот русла.

Из-за поворота показалась длинная лодка с тремя людьми. Двое держали багры, третий сидел у мотора в тёмной куртке. Когда лодка приблизилась, я узнал одного из тех речников, что расспрашивали меня в первый день. Он тоже узнал меня и перестал улыбаться.

— Отойди от борта, — негромко сказал Важин.

Я поднялся, но уходить не стал. Лопатка лежала у моих ног, верёвка — на камнях выше. Серебряная оправа была в кармане. Сухого пути вверх оставалось достаточно, если не ждать, пока лодка ткнётся в берег.

Мотор стих. Человек в тёмной куртке поднялся и осмотрел вскрытую осыпь. Лицо у него было широкое, загорелое, с привычкой улыбаться только одной половиной рта.

— Хорошо работаешь, — сказал он. — Сами до этого места дошли?

— Ногами, — ответил я. — Машину сюда не пустили.

— Аркадий Руднев, — представился человек в тёмной куртке.

Он произнёс имя с уверенностью человека, которому полагаются радостные приветствия. Знакомый речник перевёл взгляд с меня на Важина и крепче взял багор.

— Артём Горин.

— Знаю. Мне сказали, ты здесь позавчера берег поднимал.

— Преувеличили. Берег и без меня неплохо падает.

Руднев посмотрел на тёмные доски. Его глаза задержались на разошедшейся обшивке, потом скользнули дальше, туда, где под мутной водой исчезала линия корпуса. Он не спросил, нашёл ли я серебро. Меня это насторожило сильнее, чем прямой вопрос.

— Место опасное, — сказал он. — Сыпучий грунт. Старый корпус. Я бы не хотел, чтобы кто-то здесь покалечился.

— Очень предусмотрительно.

— Я серьёзно. Мои люди работают на реке. Мы собираемся поднять то, что осталось от старого железа и древесины. Тебе лучше уйти.

— Я пришёл раньше.

— Сегодня — возможно.

Один из людей Руднева провёл багром вдоль выступившей доски. Железный крюк скрежетнул по дереву. Я сделал шаг вперёд.

— Уберите багор. Там всё держится на честном слове.

— Ты ещё и хозяин этой рухляди? — спросил речник.

— Нет. Просто не хочу, чтобы вы обрушили её мне на ноги.

Руднев поднял ладонь. Речник убрал крюк, хотя и не сразу. Второй тем временем примерял длину багра к нижней части борта. Они двигались уверенно, не удивляясь ни самому корпусу, ни его положению. На случайную прогулку это не походило.

— Слушай, Артём, — сказал Руднев уже почти дружески. — Я не люблю ссориться из-за грязи. Дам тебе деньги за то, что оставишь этот участок. Наличными. Сейчас.

— Сколько?

Он назвал сумму. За такую можно было купить хороший комплект инструментов и ещё какое-то время не вспоминать о расходах. Перчатки были в грязи из щели, откуда я только что вытащил серебро. Предложение было достаточно щедрым, чтобы не казаться случайным.

— А что именно я должен оставить? — спросил я.

— Поиски здесь. Не мешать моей команде.

— На сколько?

— Насовсем.

— Вы хотите купить моё обещание не ходить на реку?

— Хочу избавить тебя от хлопот.

— Тогда лучше купите мне сухие ботинки. От хлопот они спасут надёжнее.

Руднев улыбнулся шире. Важин остался неподвижен. Деньги соблазняли. Но уступить Рудневу этот участок означало навсегда оставить ему тайну под баржей. Слишком много людей уже знали об этой осыпи. И слишком уверенно они держали багры.

— Нет, — сказал я. — Не договоримся.

Руднев некоторое время смотрел на меня, словно проверял, не последует ли торг. Потом кивнул.

— Как знаешь. Только не говори потом, что тебя не предупреждали.

— Постараюсь не давать повода.

— Здесь течение бывает нехорошее.

Позавчера вода уже пошла назад и сбила меня с ног. По лицу Руднева нельзя было понять, знает ли он об этом больше меня. Зато один из его людей вдруг покосился на середину русла. У того были побелевшие пальцы на древке багра.

— Позавчера убедился, — ответил я.

Руднев прищурился.

— И всё равно пришёл?

— Как видите.

Он не стал задавать следующий вопрос. Повернулся к своим, коротко приказал отходить. Лодка оттолкнулась от берега. Мотор ожил не сразу; течение прижало нос к осыпи, и речнику пришлось упереться багром. Руднев стоял на корме и смотрел на меня с той же спокойной улыбкой. В ней было слишком много терпения для человека, который только что упустил удобную сделку.

Когда лодка ушла за поворот, Важин выдохнул.

— Ты мог взять деньги.

— Мог.

— И оставить здесь вторую руку, если старая не выдержит.

— Обе пока при мне.

Он не улыбнулся. Присел возле вскрытой обшивки и показал на две свежие борозды в гальке выше уровня воды.

— Видишь?

— Багры?

— Следы тяжёлых крюков. И вон там камни сдвинуты раньше нас. Они уже примерялись, как цеплять корпус.

Я присмотрелся. На светлых камнях лежали свежие царапины, а в грязи отпечаталась широкая подошва. В первый день я смотрел на воду и едва не пропустил самое простое: Руднев не искал место наугад. Его люди знали, куда идти, и заранее готовились тянуть что-то тяжёлое.

— Он сказал про железо и древесину, — произнёс я.

— И ни разу не спросил, сколько ты нашёл серебра.

— Значит, ему нужно другое.

— Возможно. Но не решай за него, пока сам не увидишь.

Я сел на камень. Слово «возможно» раздражало, зато удерживало от глупостей. Руднев мог охотиться за любым грузом, спрятанным в барже. Мог знать о старом металле, который стоил дороже серебра. А мог просто хотеть убрать конкурента. Все три объяснения пока одинаково плохо помещались в моей голове.

Важин указал на воду.

— Смотри ниже.

Там, где мутная поверхность чуть просветлела, на миг обозначилась длинная тёмная полоса. Борт уходил дальше, чем я предполагал. За ним лежала неподвижная на вид глубина, и от одного взгляда на неё мне стало холодно. Обратная волна могла повториться в любую минуту. Я не собирался проверять это грудью.

— Сегодня хватит, — сказал я. И в ту же секунду сверху над нами раздался смех. На кромке берега стояли двое людей Руднева. Один держал багор, другой метнул в нашу сторону тяжёлый обломок дерева. Он ударил по размокшему склону. Земля под ногами зашевелилась.

Важин рванулся ко мне на звук удара. Звериный рывок спас меня от летящего куска берега, но самому Григорию пришлось отскакивать уже с края осыпи. Я схватил его за куртку левой рукой и потянул вверх. Снизу рванула чёрная вода. Мы выбрались едва успев: за нашими спинами развалился подход к щели баржи, который я искал весь день.

Один из людей торжествующе махнул багром. Они не собирались нас догонять. Сделали ровно то, за чем пришли: отрезали доступ к находке и оставили меня с серебряной оправой, но без пути обратно. Важин поднялся с земли, стряхнул грязь и обернулся к уходящим противникам. Я удержал его за локоть. Их победа уже состоялась; ещё одна драка подарила бы им наше здоровье в придачу.

Мы ушли по верхнему берегу, пока склон продолжал осыпаться. Оправу я нёс под курткой и почти не чувствовал правых пальцев. Теперь надо было не героически возвращаться к прежней щели, а узнать, где Руднев держит людей и кто способен показать другой подход к корпусу. У причала должны были остаться те, кто видел его работу. Впервые за день я хотел туда поехать не из любопытства.

— Ещё вернёшься? — спросил Важин.

— Вернусь. Но сперва хочу понять, чем Руднев собирается цеплять баржу и кто ему помогает. Вслепую лезть в ту же щель больше не стану.

— На причале люди разговаривают. Только не принимай каждый разговор за правду.

— Ты сегодня особенно щедр на советы.

— Потому что бесплатно они всё равно до тебя не доходят.

Перед тем как сесть в машину, я проверил карман с оправой. Серебро было на месте. После истории с Коргиным привычка беречь найденное стала почти такой же крепкой, как желание найти ещё. Правда, одно другому пока здорово мешало.

— На месте? — спросил Важин.

— Да.

— Тогда поехали, пока Руднев не передумал быть вежливым.

Я обернулся к руслу. Лодка исчезла, но свежие следы крюков на берегу остались. Руднев мог вернуться с людьми уже ночью.

В машине серебряная оправа поблёскивала в сумерках; первая накладка лежала дома. Две находки, один затонувший корпус и человек, которому хватало денег, чтобы закрыть мне дорогу. Важин молча смотрел, как я заворачиваю оправу. За деревьями снова ударил по воде багор: люди Руднева не уходили даже после нашей стычки.

За деревьями шумела река. Я убрал оправу и посмотрел на Важина. Закрытая осыпью щель осталась позади. Чтобы продолжить поиск, придётся говорить с людьми, которые ещё утром не хотели меня видеть.

— Поеду на причал, — сказал я. — Они закрыли мой подход к барже. Посмотрю, кто знает другой и что Руднев собирается поднимать.

— У меня утром дела в агентстве, — ответил Важин. — Сходишь один, но под багры не лезь. И не пытайся спорить с целой бригадой.

— Да я только поговорю.

Важин окинул взглядом испачканную куртку и разбитый берег. Он не стал повторять предупреждение. С тропы к находке уже было не подобраться: люди Руднева заняли осыпь. Я повернул ключ в замке машины и вспомнил, как Степан отступал под чужим криком на причале. Мы разъехались, когда за деревьями вновь послышался удар железа о дерево.

ГЛАВА 4. ЧЕЛОВЕК С БАГРОМ

— Степан, руки убери! — рявкнул кто-то с рабочей лодки, ещё не приставшей к причалу. Я обернулся на крик. На носу стоял Руднев с багром и отталкивал железным крюком плавающую доску. Молодой парень у борта едва держался на ногах, пока лодку бросало возле причала. После вчерашней встречи у старой баржи я узнал Руднева сразу. Я приехал расспросить о затонувшем грузе и сразу увидел, как Руднев обращается с людьми.

Я остановился у кофейного киоска, не подходя к лодке. Первая серебряная накладка была у меня в кармане, вчерашнюю оправу я оставил дома. После угроз Руднева две находки разом показывать незнакомцам не хотелось.

Над водой висели низкие облака. От настила тянуло соляркой, мокрой верёвкой и рыбой. Грузчик ругался с человеком в резиновых сапогах из-за мешка, свалившегося в лужу. Женщина у киоска продавала кофе, пирожки и совершенно неподходящую для этого места уверенность, что день будет прекрасным.

Я купил кофе. Он оказался горячим и настолько горьким, что после первого глотка захотелось признаться во всех грехах, включая ещё не совершённые.

— Старое русло после дождя сильно размыло? — спросил я у пожилого речника, который чинил на скамье поплавок.

Тот прищурился.

— Смотря где. У ивняка песок вымыло, ниже поворота глину подняло. Тебе зачем?

— Металл попадается. Старые доски.

— Здесь всю жизнь что-нибудь попадается. А потом приходит хозяин и заявляет, что всё его. Даже если вещь пролежала в земле дольше, чем он живёт.

Старик кивнул на мой внутренний карман, где под тканью угадывался край находки. Я невольно прикрыл карман ладонью.

— Серебро? Платону покажи. Он за металл платит, если вещь не с дурным довеском.

— А кто ещё смотрит старые вещи?

— Фёдор Ершов. «Вторая полка», торговый квартал. Только у него язык острее ножа, а цены мягче глины.

Молодой парень, укладывавший канат на соседней лодке, услышал фамилию и фыркнул.

— Дед тебе сейчас насоветует. После дождя всё ценное у нижней отмели. Там течение срезало полберега.

— У нижней отмели вчера воды было по грудь, — возразил старик.

— Позавчера было по колено.

— Вот именно. Ты бы сначала научился отличать вчера от позавчера.

Я допил кофе и посмотрел на реку. Оба говорили уверенно, хотя спорили даже о том, когда спала вода. Я уже видел, как течение за несколько вдохов превращает безопасные камни в скользкую ловушку. Если поверю чужим рассказам и полезу к нижней отмели без оглядки, получу новый комплект синяков. Вчера Важин вытаскивал меня из осыпи; сегодня такой роскоши не предвиделось — у него были дела в агентстве.

На дальнем конце настила загудел двигатель. Рабочая лодка наконец подошла к причалу. Руднев оттолкнул багром последнюю плавающую доску и принялся распоряжаться людьми на берегу. Он смерил меня взглядом человека, который привык скупать чужое время оптом.

— Канат сюда! Не под ноги, на тумбу! — крикнул он. — Степан, подай конец нормально.

Парень, которого я заметил ещё на подходе лодки, схватил мокрую петлю. Нога у него скользнула, и он едва не рухнул в узкую щель между бортом и настилом. Руднев успел ухватить его за ворот и рывком поставил на доски. Со стороны это могло сойти за заботу, если бы следующей фразой не было:

— Ещё раз уронишь снасть — из своего кармана заплатишь.

Степан промолчал. У него были красные от холода руки и лицо человека, привыкшего выбирать между плохим ответом и молчанием. Он поднял канат и отошёл к ящикам. Имя я запомнил: Руднев повторял его чаще остальных.

— Горин! — окликнул Руднев. — Решил продать находку, пока не утопил?

Я подошёл, оставив между нами пару шагов и ящик с мокрыми тросами.

— Пока присматриваюсь к покупателям. Вчера вы были не особенно любезны.

— Вчера ты копался у баржи, пока моя лодка подходила к берегу. Здесь настил покрепче твоей осыпи. Можем говорить спокойно.

Он поставил багор у борта. Железный крюк на конце был отполирован работой. На рукояти темнели старые зарубки. Руднев обращался с ним уверенно. После того как Степан едва не сорвался в воду, я особенно внимательно следил за острым концом.

— Я плачу за вещи со дна, — сказал он. — Железо, серебро, старые судовые детали. Поднимешь что-нибудь стоящее — не таскай по магазинам. Принесёшь мне, получишь наличные.

— А если я хочу оставить вещь себе?

— Оставляй. Пока она тебе не мешает.

— Что именно вы ищете у старой баржи?

— Всё, что можно поднять и продать.

— Вчера ваши люди интересовались одним железом. Серебро, похоже, их даже не занимало.

Улыбка с его лица ушла. Он посмотрел за моё плечо, туда, где грузчики сдвигали тяжёлый ящик.

— В старых судах много железа. Оно тяжелее твоих вопросов.

— Значит, вопрос хороший.

— Значит, у тебя свободного времени больше, чем у меня. Не мешай людям зарабатывать.

Степан, стоявший у лодки, на секунду поднял глаза. Руднев заметил это и резко приказал ему отнести связку тросов к сараю. Парень пошёл, хотя связка явно была ему не по силам. Он перехватил её обеими руками, и по мокрым доскам потянулся грязный след.

Я шагнул навстречу, чтобы подхватить конец связки, но пальцы правой руки толком не сомкнулись. Пришлось придержать груз левым предплечьем, пока Степан протискивался мимо ящиков. Трос жёг руку сквозь рукав. Руднев наблюдал за нами с лодки. Парень тихо бросил:

— Спасибо.

— За что?

— Что не стали спорить посреди прохода.

Руднев повернулся к нам. Степан опустил голову и ускорил шаг. За одно утро я успел увидеть, что его работники получают от хозяина больше окриков, чем благодарностей. И всё-таки парень продолжал таскать тяжёлые тросы: похоже, лишиться заработка он не мог себе позволить.

У лодки громоздилось тяжёлое железо. Руднев не сводил глаз с воды и нетерпеливо покрикивал на грузчиков. Для мелкой находки с отмели столько людей не требовалось. Он готовился поднимать нечто крупное — и, похоже, заранее знал, где оно лежит.

Платон встретил меня в своей тесной приёмной с видом человека, которому уже успели предложить три подделки и одну семейную реликвию, украденную у собственной бабушки. На столе лежали обычные монеты, старый подстаканник и весы. Никаких загадочных свечей, черепов и прочего антуража. Платон предпочитал деньги, которые можно пересчитать.

— Ты опять мокрый, — сказал он вместо приветствия.

— Сегодня почти сухой. Расту над собой.

— Показывай, что принёс. Только сначала скажи: продавать собираешься или мучить меня любопытством?

Я развернул ткань. Накладка тускло блеснула под лампой. Платон взял её за край, повертел, провёл ногтем по потемневшему узору и отложил на чистую салфетку.

— Серебро есть. Работа старая, местами изъедена водой. Обычная вещь с интересной историей, если, конечно, эту историю не выдумывать по дороге к прилавку.

— Сколько?

— Ты спросил, сколько она стоит, или сколько я дам?

— Начинается любимая часть разговора.

Он назвал сумму. Я покачал головой. Накладка оставалась первой вещью, которую я собственноручно вынул из осыпи. Она связывала мои нынешние поиски с тем берегом, где вода внезапно пошла против течения. Продавать её до того, как разберусь с баржей, я не собирался.

— Сегодня не продаю, — сказал я.

— Тогда зачем показывал?

— Чтобы убедиться, что это серебро, а не очень дорогая грязь.

— Дорогая грязь обычно стоит дороже. Её продают в маленьких баночках.

Платон вернул свёрток. Я убрал его во внутренний карман. Он не стал требовать объяснений и не предложил никакой тайной карты. В этом и заключалось его редкое достоинство: торговец умел не притворяться пророком.

— Если решишь продать, приходи, — сказал он. — И не тащи мне весь речной ил. Его я пока не покупаю.

Торговый квартал жил собственной жизнью. Из кафе пахло жареным луком, у витрины обувного магазина спорили две женщины, мимо меня пронёсся курьер с коробом за спиной. На углу стоял дорогой автомобиль, возле которого водитель разговаривал по телефону. Город продолжал работать, пока я искал под водой чужое серебро. Хорошо ещё, что машины сами не чинились: на что-то мне нужно было жить.

Вывеску «Вторая полка» я увидел между магазином тканей и небольшой кофейней. За стеклом стояли медные подсвечники, часы без стрелок, фарфоровая собака и кривоватый самовар. Всё было расставлено аккуратно, но без музейной торжественности. Здесь вещи продавали людям, которые хотели их купить, а пыль в стоимость, судя по виду витрины, пока не включали.

За прилавком сидел широкоплечий мужчина с коротко остриженными волосами и тяжёлым лицом. Он поднял голову раньше, чем звякнул дверной колокольчик. Неподвижное лицо и слишком пристальный взгляд выдавали знакомую по прежним встречам с нечистью неправильность. После истории с проклятым кладом я умел видеть то, что прежде скрывалось от глаз. Передо мной был вурдалак.

— Если пришли продавать семейную ложку, сначала убедитесь, что семья об этом знает, — сказал хозяин.

— А если не ложку?

— Тогда есть шанс на интересный день.

— Фёдор Ершов?

— Он самый. И вы явно не за фарфоровой собакой.

Я положил свёрток на прилавок. Фёдор развернул ткань, поднёс серебряную накладку к свету и долго смотрел на её края. Потом достал обычную лупу. Вурдалак проверял вещь, как самый обычный антиквар. Только обычный антиквар вряд ли смотрел бы на старое серебро с таким голодным вниманием.

— Сильно тёрло песком, — сказал он. — Край когда-то крепился к дереву. Видишь эти потёртости? Металл жил рядом с сыростью ещё до того, как попал в воду. Но возраст по одной царапине не назову. И не проси.

— Я не просил.

— Хорошо. Обычно просят. Потом обижаются, когда вместо сказки слышат цену.

Он назвал сумму ниже той, которую предлагал Платон. Я усмехнулся.

— За такие деньги проще повесить её на стену.

— Вешай. Только гвоздь купи хороший.

— А если вещь была частью судового убранства?

— Тогда ей не повезло с судном. Мне-то что с этого?

Фёдор перевернул накладку, изучил тёмную полосу на обороте и спросил:

— С какого берега?

— Со старого русла.

— Оно длинное.

— И мокрое.

— Упрямый покупатель, — заметил он. — Хотя ты сейчас продавец. Путаешь мне порядок вещей.

Я рассказал только о подмытом берегу и старых досках. Про найденный борт и вторую серебряную оправу промолчал. Фёдор не обиделся. Он и сам, судя по лицу, привык оставлять за зубами больше, чем произносить.

Дверь распахнулась. В магазин вошли двое вурдалаков в мокрых куртках. Первый держал обрывок старой цепи, второй прижимал к груди мешковину с мелким железом. Фёдор сразу убрал с прилавка чистую ткань. Этих покупателей он явно знал.

— Федя, принимай, — выдохнул первый. — Нас с настила согнали. Люди Руднева решили, что там только их груз.

— Мой прилавок ещё не решал, что ему нравится ржавчина, — ответил антиквар.

За окном остановились двое мужчин. Один показал на принесённый свёрток, второй толкнул дверь плечом. Вурдалаки обернулись; я узнал куртку одного из людей, ошивавшихся возле лодок. Новый посетитель не спросил разрешения войти. Он потянулся к цепи.

— Это с нашего места подняли. Отдавайте.

— Здесь магазин, — сказал Фёдор. — Право собственности за порогом не меняется от громкости голоса.

Мужчина опрокинул подставку с часами. Пока я ловил её левой рукой, второй попытался оттащить вурдалака от прилавка. В тесном проходе оба повалились на ковёр. Фёдор шагнул в тень высокого шкафа и оказался у соседней стойки — в четырёх шагах. Возле его выхода сухо звякнуло железо: «теневой сбой» заставил одного противника резко повернуться. В этот миг первый вурдалак поставил тяжёлый свёрток поперёк прохода, а я захлопнул перед вторым стеклянную дверцу витрины. Он ударился о дерево и отпрянул, ругаясь.

Фёдор не стал догонять незваных гостей. Вынес их свёрток к прилавку, поставил рядом уцелевшие часы и попросил покинуть помещение. Один из мужчин оглянулся на освещённый дверной проём: повторить теневой рывок под яркой лампой антиквар всё равно не смог бы. Но ему помогли посетители, которых никто не пытался убедить ещё раз. Чужаки отступили на улицу.

— Приходите с деньгами, — сказал Фёдор им вслед. — Угрозы в ассортименте закончились.

Вурдалаки остались выяснять цену цепи. Фёдор придвинул накладку к моему краю прилавка и выровнял упавшие часы. Теперь у меня было ещё одно подтверждение: Руднев начал распоряжаться чужим имуществом не только на берегу. И его люди проиграли драку, которую сами же принесли в город.

— Руднев вам мешает? — спросил я.

— Он мешает всем, кто не собирается платить за право дышать у причала. Но пока только разговаривает громко.

— А старую баржу знает?

Фёдор посмотрел на меня внимательнее.

— Ты пришёл за оценкой металла или хочешь, чтобы я искал за тебя?

— За оценкой. Остальное сам.

— Тогда бери своё серебро и береги руки. Вода не спрашивает, кто сколько за него заплатил.

Я забрал накладку с прилавка, спрятал во внутренний карман и попрощался. Фёдор остался за прилавком с цепью и своими счетами, а я вынес из разговора ещё одно наблюдение: Руднев давил на чужих работников даже там, где не владел ни лодками, ни товаром. Ради чего — я пока не знал.

К вечеру я снова оказался у причала. Машину оставил на соседней улице: после утреннего разговора с Рудневым попадаться ему на глаза не хотелось. На набережной зажглись фонари, из кафе доносилась музыка, мимо шли люди с пакетами. Я купил пирожок и устроился у ограды так, чтобы видеть рабочую лодку и не мешать прохожим.

У дальнего настила горели фонари. Руднев стоял на лодке с багром и направлял людей. Трое тащили тяжёлый крюк на цепи, ещё двое перекладывали тросы. Железо грохотало о доски. Я отступил от ограды, когда один из рабочих едва удержал сорвавшееся звено.

— Ниже опускай! — крикнул Руднев. — Если сорвётся, второй раз платить не стану.

Степан держал конец цепи. Он старался не попадаться хозяину на глаза, но Руднев всё равно замечал каждое его движение. Парень отступил к тумбе, когда по настилу повели крюк. На его ладони темнела свежая ссадина. После утреннего разговора это не удивляло.

С другой стороны причала подошла чужая лодка. Двое вурдалаков, которых я видел днём в магазине Ершова, подняли с неё ящики и понесли к свободному месту. Они не прятались, не прыгали по теням, не изображали ночных чудовищ. Работали, тяжело дышали, ругались на мокрые ручки и требовали оплату до следующей ходки.

— Здесь занято! — рявкнул один из людей Руднева.

— У тебя глаз один? — ответил речник. — Мы на свободном краю.

— Шеф сказал, весь настил нужен.

— А нам нужен заработок. Что дальше?

Один ящик поставили поперёк прохода. Работник Руднева попытался оттолкнуть его ногой, но второй вурдалак удержал груз. Мужчины столкнулись плечами. Я подошёл ближе вдоль ограды. Вмешиваться в чужую драку не собирался, однако увидел, что у ящиков осталась узкая щель между настилом и бортом. Туда легко мог угодить человек с тяжёлым грузом.

Руднев спрыгнул на настил с багром в руке.

— Уберите чужое, — приказал он.

— Чужое кому? — спросил первый вурдалак. — Мы здесь разгружались, когда ты ещё лодку у соседа просил.

Руднев ткнул багром в доску перед его ботинком. Дерево хрустнуло. Это был обычный удар железом, но крюк вошёл достаточно близко к носку сапога, чтобы спор сразу перестал быть торговым.

— Я дважды повторять не буду.

— А я деньги дважды считать не стану, — раздалось позади меня.

Фёдор Ершов шёл по настилу в тёмном пальто. Он не выглядел человеком, который случайно заглянул на вечернюю прогулку. В одной руке держал кожаную сумку, в другой — небольшой фонарь. Остановился у ящиков и посмотрел на Руднева.

— Это мой товар. За перевозку люди уже заплатили. Ты можешь сердиться бесплатно, Аркадий. Услуги по закрытию причала я не заказывал. И если кто-то из твоих людей ещё раз пнёт мой ящик, стоимость повреждений я вычту из твоей следующей покупки. Ты ведь любишь считать чужие деньги — попробуй однажды посчитать свои.

— У меня подъём, — ответил Руднев. — Мне нужен весь край.

— Тогда договорись заранее с теми, кто здесь работает. Кричать на чужих грузчиков дешевле, понимаю. Только пользы мало.

Руднев перевёл взгляд на двух вурдалаков. Те стояли рядом с ящиками, уставшие и злые. Один держал ладонь на крышке, готовый не дать сбросить товар в воду. Фёдор положил сумку на сухую тумбу и дождался ответа. Вокруг уже остановились другие грузчики: спор услышали все, и отступить без потери лица Рудневу становилось труднее.

— Десять минут, — процедил Руднев. — Потом убирайтесь.

— Успеем за пять, если твои люди перестанут пинать чужие вещи.

Степан подхватил тяжёлый конец цепи и отвёл его в сторону, освобождая проход. Руднев резко обернулся.

— Тебя кто просил?

— Крюк не пройдёт, пока ящик здесь, — тихо ответил Степан.

Руднев перехватил багор. Я перенёс вес на переднюю ногу, готовясь оттащить Степана, если железо пойдёт в ход. В толпе уже кто-то замолчал на полуслове. Но хозяин лодки лишь выругался и вернулся к борту. Степан остался стоять, стиснув зубы. Фёдор посмотрел на парня, потом на железо у борта.

Разгрузка закончилась быстро. Фёдор рассчитался с работниками, проверил один ящик и велел не волочить его по мокрым доскам. Они унесли товар к машине на улице. Вурдалак прошёл мимо меня и сразу узнал.

— Опять смотришь на чужой металл?

— У вас сегодня богатая программа.

— У меня сегодня работа. Это разные вещи.

— А у Руднева?

Фёдор остановился. На воде за его спиной качнулся свет фонаря.

— У него тоже работа. Только он хочет, чтобы остальные за неё расплачивались. Не лезь под его крюк, Горин. Я не люблю, когда покупатели перестают приходить из-за собственной глупости.

Он ушёл, не дожидаясь ответа. Я остался у ограды. Люди Руднева снова потянули цепь. Крюк поднялся над бортом, качнулся и гулко ударил о деревянную обшивку лодки. Степан отшатнулся. Руднев обругал его, а затем показал рукой в сторону старого русла. Тяжёлый крюк, рабочая лодка и его нетерпение говорили достаточно: он собирался поднимать что-то большое.

Я смотрел, как лодка отходит от причала к тёмному изгибу. За кормой потянулся слабый след от винта. Руднев перекрикивал мотор, продолжая распоряжаться рабочими. Вода здесь шла обычным ходом, но я помнил обратное течение у старого берега. Я не хотел оставаться рядом, когда река ответит.

Я направился к машине. Накладка оставалась в кармане, оправа — дома, а под илом у старого корпуса лежало то, ради чего Руднев собирал людей и железо. Степан едва успел отдёрнуть руку от крюка. Я сжал в кармане край накладки: отдавать её Рудневу после такого зрелища было бы особенно мерзко. Ниже по течению начиналась Ивовая заводь, куда вода могла вынести часть груза. Я уже подошёл к машине, когда за причалом снова закричали на Степана. Крик оборвался ударом железа о борт. От спора с Рудневым меня отделяла всего одна неверная остановка.

ГЛАВА 5. ЛОЖНЫЙ БЕРЕГ

У Ивовой заводи из густых камышей донёсся удар железа, а следом хрустнула ветка. Я остановился на бурлацкой тропе и прислушался. Руднев добрался сюда раньше меня — или здесь работали другие любители портить берег баграми. Шёл пятый день поисков. За камышами могли оказаться люди Руднева, и я невольно прикинул, успею ли уйти с серебром и без новых ран.

До реки я добрался после смены в мастерской. Павел заметил, как я пытаюсь удержать тяжёлую деталь правой рукой, молча отобрал её и передал Коле. Остальную работу я закончил без особых подвигов. Рассказывать начальнику о речных приключениях не стал: объяснить грязь на одежде было проще, чем причину, по которой я снова собирался к воде.

У машины я переобулся в сапоги, захватил рюкзак с термосом и привычными вещами для берега. Серебряная накладка после вчерашней оценки лежала дома в ящике рядом с оправой. Смолёная доска занимала подоконник и раздражала Семёна. Домовой пригрозил выбросить доску, если на ней заведётся плесень. Я пообещал больше не приносить мокрых деревяшек. Семён смерил меня взглядом: место для следующей он, видимо, уже выбрал.

На повороте к борту баржи, который мы с Важиным обнаружили под осыпью, отпечатались следы тяжёлых сапог. К воде тянулась борозда от железа. Значит, услышанный удар мог доноситься и оттуда. Я не пошёл проверять: у Руднева имелись люди с баграми, а моя короткая лопата в таком споре не выглядела убедительным доводом.

Я свернул по бурлацкой тропе к Ивовой заводи. Здесь река расширялась, образуя тихий карман между зарослями. После дождей вода уже отступила от кустов и оставила полосы светлого песка. В одном месте песок лежал поверх старой глины, словно кто-то рассыпал муку по тёмному столу. По таким полосам можно было понять, где течение недавно оставляло тяжёлую мелочь, а где только подмывало берег.

Я раздвигал камыши черенком лопаты, прислушиваясь к стуку за зарослями. Дважды останавливался, когда он становился громче, но никто не вышел на тропу. Меня интересовал груз, который течение могло вынести из баржи; связываться с людьми Руднева раньше времени не хотелось.

За первый час я нашёл ржавый гвоздь, черепок и монету, почти съеденную водой. Год на ней уже нельзя было разобрать. Монету положил в карман: течение явно приносило сюда мелкие предметы. Более тяжёлые вещи могли застрять среди корней и камней.

За низким кустом мелькнул прямой тусклый угол. Он торчал из мокрого песка возле сухой на вид кромки. Я присел. Поверхность была тёмная, с ровным ребром, будто крышка небольшого ларца. Сердце сразу попыталось побежать впереди хозяина. На старой барже могло лежать что угодно: серебро, инструменты, пустые ящики. Но прямой угол среди корней выглядел заманчиво.

Я ткнул песок остриём лопаты. Железо упёрлось во что-то плотное. Сдвинулся ближе, поставил сапог на светлую полосу и почувствовал, как земля под ним мягко подалась. В следующий миг берег разошёлся под ногами. Я провалился по колено в холодную жижу, второй сапог скользнул следом, а лопата вылетела из руки и упала у корней.

— Вот тебе и твёрдая земля, — процедил я, цепляясь за ветку ивы.

Ветка треснула. Я успел перехватить толстый корень, торчавший над настоящей глиной. Сапог под водой что-то стиснуло. Я дёрнулся, но ногу удерживала вязкая масса, будто мокрый песок внезапно научился хвататься. Поверхность передо мной оставалась ровной, хотя я только что проломил её всем своим весом. На месте ямы вновь виднелась сухая кромка — гладкая и неправдоподобная.

Тут я увидел в воде отражение женщины. Надо мной никого не было. В отражении она стояла у самого плеча, с длинными тёмными волосами, в которых запутались тонкие водоросли. Лицо было бледным, глаза — почти чёрными. Я повернул голову. На берегу никого. Вода дрогнула, и отражение улыбнулось.

— Руднев прислал? — спросил женский голос.

Голос прозвучал возле самого уха. Я дёрнул ногу; песок на миг отпустил её и снова сомкнулся.

— У меня с Рудневым разные взгляды на отдых у воды.

— Его люди ломают корни. Тянут железо. Мутят заводь. А ты пришёл следом.

Женщина вышла из мокрых ивовых ветвей в двух шагах от меня. Нижняя часть её одежды сливалась с водой, босые ступни едва касались мелководья. Никакой торжественной музыки не прозвучало. Русалка просто стояла там, где секунду назад виднелись камыши, и смотрела на меня с такой злостью, что мне захотелось немедленно извиниться перед всей местной растительностью.

— Я пришёл за вещами, которые вода выбросила, — сказал я. — Корни не рубил. Багров не таскал.

— Ты уже ступил на мой берег.

— И он выразил своё мнение. Очень доходчиво.

Рута скользнула ближе по мелководью. Впереди лежала на вид сухая полоска песка; едва она подняла руку, эта полоска превратилась в глубокую чёрную яму. Ветки ивы отражались не там, где должны. Я поднял взгляд и обнаружил, что вижу два берега: настоящий под самым корнем и второй, удобный, на расстоянии одного шага. К удобному мне и хотелось выбраться. В этом, очевидно, и состояла вся прелесть обмана.

— Ваши люди оставили здесь крюк, — сказала русалка. — Их лодка разбила корни.

— Я с ними не работаю.

— Тогда докажи, что ты слышишь слова.

Она резко вытянула ладонь. Узкая прозрачная петля взвилась прямо мне в грудь. Камень перстня на мгновение стал холоднее воды; направленное заклятие рассыпалось на брызги, и правая кисть свело так, что я не смог сжать её в кулак. При этом грязь продолжала держать сапог. Перстень защитил меня от удара, но не вытащил из настоящей трясины.

Рута отшатнулась к корням. Подставлять кольцо под следующий удар я не рискнул. Левой рукой снял моток верёвки с ремня, зацепил петлю за развилку ивы и подтянулся боком. Грудью я добрался до настоящего камня, но сапог застрял намертво. При каждом рывке пятка поднималась, а подошва уходила глубже. Удерживаясь на локте, я заметил ржавый багор, застрявший между корнями. Его остриё расщепляло старую иву.

— Это ваш? — спросил я.

— Руднева.

Я упёрся здоровой ногой в камень, осторожно вытащил багор за деревянную рукоять и отбросил на сухую тропу. Рута не помогла, зато не потянула меня обратно. Отражённая полоса берега исчезла. Между мной и русалкой осталась простая мелкая вода, всё ещё опасная для человека, который забыл, кому она принадлежит.

За камышами затрещали ветки. На отмель вышел человек с мотком проволоки и оглядел оставленный мною багор. Он наклонился за рукоятью, не заметив предательской полосы песка у корней. Рута вскинула руку; вода возле его сапога стала гладкой, как оконное стекло. Я окликнул незнакомца. Тот выпрямился, выругался в мою сторону, подхватил свой моток и ушёл к лодке.

— Могли бы и предупредить, — сказал я русалке.

— Я предупредила тебя.

— Его тоже стоило.

— Он приходил ломать мои ивы.

Я замолчал, разглядывая её расщеплённый корень. Впервые за день я мог выбраться сам и уберечь от ловушки другого человека. Разговор о справедливости отложил до тех пор, пока обе ноги не окажутся на твёрдой земле.

— Как вас зовут? — спросил я, переводя дыхание.

— Рута.

— Артём. Можете записать в список нарушителей. Только без адреса: домовой обидится, если к нам начнут приходить с реки.

— Твой дом далеко. Здесь мой берег.

— Я уже заметил. И больше не наступлю на эту полосу.

Рута склонила голову. Она всё ещё не доверяла мне, но вода у сапога перестала сжиматься кольцами. Я подтянулся ещё на полметра. Правая ладонь сорвалась с верёвки, и меня качнуло к яме. Удержавшись левой рукой, я упёр свободную ногу в выступ глины и вывернул ступню из застрявшего сапога. Холодная жижа хлюпнула. Обувь осталась внизу.

— Кажется, с меня взяли плату за вход, — выдохнул я, глядя на оставшийся сапог.

— Люди всё обращают в торг, — сказала Рута.

— Мне бы вернуть обувь и уйти. Торговаться сейчас неудобно.

Я выбрался на твёрдую кромку и сел в мокрую траву. Колено саднило, правая ладонь дрожала после рывка. Перстень уже принял один прямой удар Руты. От липкой глины и застрявшего сапога он меня не спасал, и никакой второй попытки испытывать его мне не хотелось.

Рута стояла у воды. Я видел её теперь прямо, без отражения, и понимал, что на высокий сухой склон она за мной не пойдёт. Её власть держалась возле заводи, среди корней, мокрых камней и песчаных языков. Стоило мне отползти от воды, как ложная сухая полоса потеряла убедительность: передо мной лежала обычная тёмная трясина с тонкой коркой наносов.

— У вас здесь кто-нибудь ещё живёт? — спросил я.

Она проследила за моим взглядом. В береговой щели под мокрым камнем мелькнули короткие пальцы — совсем маленькие, тёмные, с грязью под ногтями. Они схватили что-то блестящее и исчезли.

— Тебе мало соседей? — спросила Рута.

— После знакомства с вами я предпочёл бы знать, куда ставить ноги.

— Тогда смотри под ноги.

Совет был разумный, хотя Рута сама заставила трясину выглядеть сухой. У камня обнаружилась узкая полость, уходившая в старую кладку. В глубине что-то шевелилось. Лезть туда рукой после знакомства с берегом я не собирался.

— Я ищу груз со старой баржи, — сказал я. — Серебряные вещи. Вода могла вынести их сюда.

— Вода приносит ветки, дохлую рыбу, человеческий мусор. Ты видишь только блеск.

— Ещё я вижу, что чужие багры ломают ваши ивы. Мне это тоже не нравится.

Рута посмотрела в сторону дальнего поворота. Там, за камышами, снова ударило железо. Она напряглась, и у корней пробежала рябь. Вскоре из зарослей показался обломок свежесрезанной ивовой ветки. Его принесло против течения, прямо к нашим ногам. На светлой древесине чернела полоса от крюка. Русалка подняла ветку из воды двумя пальцами. Её рука дрожала, а вода между корнями вспучилась. Я осторожно отступил от кромки. Если Руднев вернётся с железом, ему придётся считаться с хозяйкой заводи. Но она могла снова принять за его помощника и меня.

— Уходи от моих зарослей. Твой Руднев вернётся. Он уверен, что всё, к чему достанет крюком, принадлежит ему.

— Он не мой. И если увижу его людей у ваших ив, постараюсь не дать им разнести берег.

— Ты обещаешь за людей, которых не знаешь?

— За себя. Этого пока достаточно.

Рута некоторое время молчала. Потом отступила в воду. Её волосы расплылись по поверхности, как тёмные травы. Отражение осталось на мгновение дольше тела и исчезло следом. Серебряные вещи остались там же, где были до разговора. Зато теперь я знал, кого злил Руднев, когда вёл людей с баграми к этим ивам.

Длинной веткой я подцепил сапог и вытянул его из ямы. Лопату, упавшую у корней, тоже удалось достать, не спускаясь обратно. В сапоге плескалась грязь. Я вытряхнул её, отжал носок и присел на камень. Колено сгибалось, хотя каждый шаг обещал быть неприятным. Лопату взял в левую руку. Чай в термосе успел остыть, но после холодной воды я выпил его с удовольствием.

Я мог вернуться к машине, однако выше по течению виднелась настоящая глинистая отмель. Проверив первые шаги черенком, я пошёл вдоль неё, обходя рыхлые участки. После встречи с Рутой даже обычный песок требовал доказательств своей надёжности.

На этой отмели вода оставила несколько тяжёлых предметов: обломок черепицы, два камня с округлыми краями и небольшой деревянный бочонок, наполовину ушедший в песок. Его обручи давно проржавели. Крышка торчала наискось; кто-то уже пытался заглянуть внутрь. Я обрадовался, хотя прекрасно понимал, что серебро редко хранится в дырявой бочке без хозяина.

Песок вокруг бочонка был плотным. Я осторожно отгрёб его лопатой, поддел край и потянул. Бочонок не шевельнулся. Пришлось расчистить вторую сторону. Из-под дерева показался плоский камень, удерживавший его на месте. Я сдвинул камень, и бочонок наконец покатился ко мне, выплеснув остатки мутной воды.

Внутри лежал ещё один камень — большой, тяжёлый и совершенно обычный. Я выкатил его на песок и заглянул в бочонок. Вода набилась в рассохшиеся щели; ни серебра, ни других вещей там не оказалось. От такой находки можно было получить только мокрые штаны и разочарование.

— Содержимое соответствует упаковке, — пробормотал я. — Тяжёлое и бесполезное.

В трещине между досками застряла светлая галька. Я постучал по стенке и перевернул бочонок, убедившись, что внутри больше ничего нет. Оставил его там, где нашёл. Тащить домой такую добычу мог только человек, который мечтал обставить квартиру речным мусором. Семён за одну эту мысль выставил бы меня вместе с мебелью.

Когда я убирал термос в рюкзак, лямка зацепилась за верхнюю пуговицу куртки. Та оторвалась, блеснула в воздухе и упала между камнями. Я нагнулся, но из щели уже метнулось что-то маленькое.

Сначала я увидел жилистую спину, покрытую короткими мокрыми волосками, затем длинные пальцы. Существо было ростом с крупную крысу, только двигалось на двух ногах и тащило пуговицу обеими руками. Голова казалась слишком большой для узких плеч. Из-под нависшего лба сверкнули круглые глаза. Я присел на корточки, оставив ему дорогу к щели. Воришка остановился, прижал находку к груди и повернул голову к щели, оценивая расстояние. С берега донёсся сухой треск. Существо пригнулось, а потом юркнуло между камнями. Я успел заметить, что внутри уже лежит горка похожих блестящих предметов. Для кого-то потерянная пуговица была пустяком, а для него — добычей, которую следовало защищать.

— Эй! — возмутился я. — Это моя!

Из щели снова показалась маленькая голова. Воришка оскалил острые зубы и тут же исчез в темноте. Я подошёл ближе, но увидел лишь узкий проход в старой кладке, обросшей мхом. За камнем раздался тихий скрежет, будто пуговицу тащили по гравию. Я обошёл валун и успел заметить, как длинная пятка исчезает в соседнем отверстии.

Узкие щели, похоже, соединялись друг с другом. Существо перебегало между ними быстрее, чем я успевал обойти очередной камень. Я присел и заглянул внутрь. В полумраке видне-

лись сухие веточки, ржавые кольца и несколько тусклых металлических мелочей. Маленькая кладовая, аккуратно спрятанная от больших ног.

— Верни пуговицу, — потребовал я. — Куртка и так пережила достаточно.

Из темноты донеслось шипение. Потом наружу высунулась тонкая рука, показала мне пуговицу и спряталась. Я поддел веточкой мелкий камешек возле входа, пытаясь рассмотреть кладовку. Веточку схватили и резко дёрнули. Пришлось отпустить, чтобы не повредить старую кладку.

— Ладно. Считай это платой за знакомство.

В ответ что-то коротко пискнуло. Возможно, меня поблагодарили. Возможно, послали подальше. Я решил считать первым вариантом: второй слишком точно соответствовал настроению остальных жителей заводи.

У входа в щель лежала тонкая медная проволока, загнутая петлёй. Рядом валялись обломок цепочки и три чужие пуговицы, потемневшие от воды. Чужую добычу я оставил на месте. Изнутри послышалось шуршание, затем одна из пуговиц медленно откатилась в темноту. Маленький хозяин убирал вещи подальше от моих рук. Я отступил, и движение прекратилось. За спиной плеснула вода. Я обернулся, ожидая увидеть Руту, но в заводи качались только ветки. Оставаться между недовольной русалкой и чужой кладовкой мне расхотелось.

Под подошвой хрустнул рыхлый камень. Из щели раздался возмущённый писк. Я вернул камень на место, не закрывая вход, и отошёл. Даже мои шаги вокруг валуна маленький вор воспринимал как вторжение.

На настоящей отмели серебра не нашлось. Песок скрывал мусор, камни и бочонок, который когда-то, вероятно, прибило с другого участка. Мои предположения о движении тяжёлого груза не оправдались. У берега с баржей находка оставалась куда убедительнее: там мы с Важиным видели разошедшиеся доски грузового отсека собственными глазами. Здесь же я слишком легко поверил заманчивому углу в грязи.

Светлый песок сменился вязкой грязью. Я ещё немного пошарил у кромки, вытащил ржавый обломок и едва не лишился сапога. Находки получились достойными мусорного ведра, а течение всё заметнее тянуло к зарослям. Поднимать со дна очередную бочку ценой ноги мне не хотелось. Я выбрался повыше, пока заводь не решила принять меня в постоянные жильцы.

Ветер усилился. Ивы зашумели, в заводи поднялась рябь. На мгновение между ветвей мелькнуло женское лицо. Рута следила за мной из воды. Я поднял ладонь, показывая, что ухожу. Она не ответила. С дальнего берега донёсся глухой металлический стук. Русалка резко повернулась к звуку и исчезла под поверхностью, оставив расходящиеся круги. У встречи русалки с незваными гостями вполне мог быть кровавый конец, и присутствовать при нём мне не хотелось. Люди Руднева продолжали ломать ивы. Рута могла потерять терпение в любую минуту.

До машины я добрался без приключений, если не считать того, что мокрый сапог хлюпал на каждом шагу. На обочине переобулся, отжал мокрый носок ещё раз и завернул грязные вещи в пакет. В багажнике пахло илом. Я представил лицо Павла, если завтра принесу этот аромат в мастерскую, и решил открыть окна на обратной дороге.

Возле машины завибрировал телефон. Важин спросил, нашёл ли я что-нибудь. Я написал: «Камень в бочке, русалку и вора пуговиц. Серебра нет». Ответ пришёл сразу: «Живой?» Я оглядел содранную ладонь и мокрый носок. «Преимущественно». Следующее сообщение было короче: «Один к воде не лезь». Я набрал «Постараюсь» и убрал телефон.

По дороге к Кобрину навстречу прошёл пикап. За рулём я узнал Руднева, а в открытом кузове заметил канаты и длинные железные прутья. Слова Руты о сломанных корнях не выходили из головы. У Руднева были люди, лодка и тяжёлое железо; у меня — место баржи, две серебряные находки дома и знакомство с хозяйкой заводи, которое трудно было назвать дружбой.

Дома я промыл ссадины, поставил сапоги сушиться и развернул на столе карту старого рукава, которую держал в машине. Отметил на ней сваи выше баржи и разрушенную кладку у подмытого берега: эти места я уже видел своими глазами. Потом обвёл Ивовую заводь, где сегодня едва не оставил сапог и ногу. Карту собирался убрать обратно в бардачок — в мастерской она была ни к чему.

Семён выглянул из-за дверного косяка, посмотрел на грязный пакет и тяжело вздохнул.

— Ты опять притащил реку домой.

— Немного. Основную часть оставил хозяйке.

— Хозяйке какой?

— Русалке. Зовут Рута. Не любит багры и чужие сапоги.

Домовой скривился так, будто я предложил ему поселить в ванной крокодила. Увидев оторванную пуговицу, он покачал головой.

— Хоть куртку мог сохранить.

— Её забрали в счёт берегового налога.

Я повесил куртку сушиться подальше от владений Семёна, свернул карту и отнёс её в машину. Серебра за день не прибавилось. Зато, когда я снимал испорченную куртку, из её складки высыпалась мокрая речная трава. Семён подцепил её двумя пальцами и швырнул в ведро. Русалка получила своё. Из ведра всё ещё пахло речным илом, а в голове застрял вопрос: кому принадлежит течение там, где мы с Рудневым роемся в старых досках?

ГЛАВА 6. ХОЗЯИН СТАРОГО РУСЛА

— Ящик уходит! — прокричал в телефон мужчина, которого я не знал. В трубке слышались треск досок и отборная ругань. — Фёдор Ершов дал твой номер. У старого причала опять вода лезет на погрузку!

Я стоял у ворот мастерской, когда возле тротуара затормозил грузовичок с вывеской антикварного магазина. Из кузова торчала разбитая рама; один из людей Фёдора держал её на весу, потому что задняя створка не закрывалась. Следом вырулила машина с двумя знакомыми мужчинами из бригады Руднева. Они не стали нападать. Водитель просто перегородил выезд и показал, чтобы грузовичок сдавал назад к луже.

— Нам на склад не дают проехать, — сказал работник Фёдора. — Решили, что наш груз им мешает.

Я вышел к чужой машине, но опоздал ровно на несколько секунд. Мужчина уже выхватил из грузовичка маленький свёрток с медной оправой и сунул его под куртку. Второй оттолкнул работника Фёдора прямо на дорогу. Я бросился к нему, перехватил за плечо, и мы оба покатились по асфальту. За спиной взревел мотор. Люди Руднева успели забрать то, за чем приехали.

Павел появился в воротах мастерской и рявкнул, чтобы я немедленно убрал людей с проезда. Я подхватил работника, который едва держался на ногах. Водитель грузовичка хотел погнаться за похитителями; я остановил его. Разбитая рама торчала из кузова, половина груза была мокрая, а погоня добавила бы Фёдору ещё одну потерянную машину.

— Сначала довези живых, — сказал я. — А за ворованным теперь придётся разбираться хозяину.

— С такой помощью мы скоро останемся без премии, — простонал работник.

— С премией у вас уже всё ясно, — ответил я. — Попробуем хотя бы сохранить зарплату.

Похитители исчезли. Похитители уехали с добычей. Нам достались разбитый груз и перепуганные сотрудники Фёдора. Водитель рвался в погоню; я остановил его и сказал, что сперва надо сохранить оставшееся. С причала уже звонили из-за бедствия с водой. О спокойном возвращении к серебру сегодня можно было забыть. Придётся ехать туда и разбираться с тем, что Руднев натворил с чужим товаром. Старое русло, похоже, тоже готовилось предъявить счёт.

— За благодарность Фёдор должен вам премию, — ответил я. — И расскажите ему, что в городе уже начали делить сушу.

Я попросил Павла отпустить меня пораньше. Он поглядел на испачканную куртку и спросил, когда я успел открыть филиал речных перевозок. Объяснять Павлу историю с пропавшим свёртком не хотелось: вернуть чужую вещь я пока не мог. Важину я позвонил уже по дороге к причалу. Григорий выслушал и сказал, что спорить с водяным придётся раньше, чем мы рассчитывали.

— Просохли. Только запах такой, будто внутри кто-то умер и передумал.

— Речная романтика. Продаётся отдельно от клада.

До старого рукава мы доехали знакомой дорогой. Над городом висело серое небо, ветер трепал придорожную траву. Возле причала вода казалась спокойной. На верхней площадке валялись мокрые обёртки, а на досках темнели следы, оставленные ящиками: утром здесь явно было весело. За дальними сваями что-то глухо ударило. Потом ещё раз. Важин вышел первым и втянул носом воздух.

— Свежая грязь, мокрое железо. И люди Руднева поблизости.

— Их здесь всегда хватает.

— Вон те двое нервничают, — добавил он и показал на берег.

Мы спустились к воде. Двое мужчин в рабочих жилетах пытались подцепить длинной жердью последний уцелевший ящик. За ним болтался пустой деревянный поддон. Едва груз

подали ближе к берегу, течение снова пошло поперёк рукава. На поверхности проступили тёмные полосы, слились в одну ледяную струю и ударили в сваю. Пена взлетела над водой; поддон рвануло обратно.

Один работник выругался и отпустил верёвку. Второй кинулся на мокрые камни, стараясь дотянуться до ящика. Я перехватил его за плечо. Камень у самого носка его сапога исчез под водой.

— Жить надоело? — спросил я.

— Там последний целый ящик! — рявкнул он.

— Ящик умеет плавать лучше тебя. Уже доказал.

Мужчина попытался вырваться, но рядом встал Важин. Спор сразу закончился. Ящик ударился о камень, развернулся и застрял между двумя сваями. Из треснувшей крышки посыпались мокрые обёртки. В одной мелькнула медная рамка.

— Ершову везли, — сказал второй работник, тяжело дыша. — Старые вещи с верхнего склада. Два ящика утром утонули, этот весь день пытались достать. Только подобрались — опять потащило.

— Из «Второй полки»? — уточнил я.

— Фёдор за целое заплатит, — пробормотал работник. — А за испорченное шкуру спустит. Если раньше эту шкуру вода не заберёт.

Перед глазами всплыло невозмутимое лицо Фёдора. Рабочий вполне мог знать его лучше меня. Впрочем, мокрый груз и впрямь был их заработком. Сверху по рукаву ползла узкая холодная струя. Там, где она встречалась с остальной водой, держался тонкий белёсый туман.

Из-за противоположного берега вышла моторная лодка Руднева. Двое его людей пытались оттолкнуться баграми от затопленных свай. Мотор взревел, лодку развернуло боком, и обратный поток потащил её кормой вперёд. Один багор сломался с сухим треском. Человек на носу рухнул на колени и вцепился в борт.

— Сюда не суйтесь! — крикнул один из причальных работников.

Лодочники то ли не услышали предупреждения, то ли им было не до нас. Судёнышко протащило вдоль каменной стены, ободрав борт, и выбросило к песчаной косе. Люди выскочили на мелководье. Оба устояли на ногах. Судя по лицам, новые условия работы им категорически не понравились.

Важин присел у воды, коснулся поверхности и тут же отдёрнул руку.

— Ледяная. Будто из-под зимнего льда.

— На дворе ноябрь, — напомнил я.

— И пальцы пока не должны неметь за одно касание.

В основании старой сваи что-то шевельнулось. Из щели между мокрыми камнями высунулась знакомая лохматая голова. Вчерашний вор пуговиц! За привычку молнией шмыгать в любую щель я про себя окрестил его Шмыгом. Он тащил связку металлических мелочей на обрывке шнурка. Среди колечек и обломков цепочек поблёскивала моя пуговица.

— Опять ты, — сказал я.

Шмыг сердито пискнул и потянул ношу глубже. Вода уже заливала его убежище. Она добралась до нижнего камня и хлынула в щель. Воришка метнулся к соседнему отверстию, волоча связку за собой. Несколько железок застряли на выступе. Он дёрнул их раз, другой и оглянулся на меня с отчаянием человека, уверенного, что плотину открыл лично я.

На камнях валялся обломок ветки. Я поддел им застрявший шнурок и столкнул связку на сухой выступ. Шмыг отскочил, зашипел, но тут же вцепился в спасённое добро. Придерживая его длинными пальцами, юркнул в соседнюю щель. Моя пуговица осталась с ним.

— Даже у карманников сегодня убытки, — заметил я.

Важин следил за водой, даже не обернувшись на Шмыга. Лицо у него стало жёстким.

— Тут кто-то хозяин. И ему не нравится, что делают люди.

Ответ пришёл с реки. Между разрушенными сваями поднялся широкий бугор воды. Он не рассыпался пеной, а вытянулся вверх. По нему потекли водоросли, глина, чёрная жижа. Из потока проступили плечи, тяжёлые руки и лицо, похожее на корень, полвека пролежавший на дне. В бороде шевелились мелкие ракушки. Жёлтые глаза смотрели прямо на нас.

Я повидал достаточно нечисти, чтобы перестать орать при каждом её появлении. Но водяной, поднявшийся из холодной воды в двух шагах от моих сапог, заставил меня проглотить приготовленную остроту.

— Кто тревожит моё русло? — спросил он.

Его голос прокатился над сваями, будто по камням протащили полный бочонок. Егор замер с жердью в руках. Лёня попятился к тропе, не выпуская верёвку. Не знаю, разглядели ли они водяного, но движение реки и бас из самой воды заставили обоих притихнуть. Важин встал рядом, чуть согнув колени.

— Артём Горин, — ответил я. — Это Григорий. Мы сегодня никого не тревожили. По крайней мере намеренно.

Жёлтые глаза остановились на мне.

— Ты трогал борт мёртвого судна.

— Доски. И серебро. Судно было там задолго до меня.

— Оно лежит в моей воде. Его гвозди держат ил, его тень кормит рыбу. А люди с железными крючьями рвут дно.

За моей спиной снова загремела моторная лодка. Водяной повернул голову. По реке побежала узкая ледяная рябь, и люди Руднева поспешили оттолкнуть судно от косы. Что именно они видели, я не знал. А течение ощущали все.

— У тебя ведь имя есть? — спросил я.

— Кондрат, — пророкотал водяной. — Запомни, раз уж пришёл в мои владения.

— Запомню. Может, тогда успею извиниться до следующей волны.

Кондрат не улыбнулся. Пожалуй, на семейное гостеприимство я тут рассчитывал зря.

Он поднял ладонь. У самой кромки дрогнула вода, и я отступил. Волна облизала мокрые камни, но до сухой глины не добралась. Где кончалось связанное старое русло, я пока не знал; зато видел, что Кондрат действует через воду, а не разбрасывает её по всему берегу.

— Пусть люди с баграми уходят, — сказал он.

— Это не мои. У меня даже лодки нет.

— Все вы приходите за тем, что лежит под водой. Сначала берёте блестящее. Потом хватаете донное железо. После этого река платит за вашу жадность.

Ржавый обод у баржи и слова Руднева о тяжёлом железе сложились в одну неприятную догадку. Кондрат явно говорил о предмете, который тревожил русло. Но стоило спросить о нём слишком настойчиво — и водяной решил бы, что я тоже пришёл за этой добычей.

— Я видел людей Руднева, — сказал я. — Они ломают сваи и тащат железо. Хочешь, чтобы они ушли, — скажи, что им нельзя трогать. Я хотя бы предупрежу.

Кондрат повернулся ко мне всем корпусом. Вода с его плеч плеснула на камни, но ни одна капля не добралась до сухой тропы.

— Копатель собирается сторожить чужую добычу от другого копателя? Чья рука станет чище, когда первый уйдёт?

— Моя хотя бы не ломает чужие сваи.

— Ты уже вскрыл дерево. Нашёл серебро. И вернулся.

В поисках серебра я собирался вернуться к барже и завтра. Руднев ради своего железа готов был изуродовать весь берег. Только Кондрату было всё равно, насколько прилично каждый из нас объясняет свою жадность.

— Я не полезу за твоим донным железом, — сказал я. — И понятия не имею, где оно лежит. Мне нужен обычный груз. Скажи хотя бы, что происходит с водой.

Кондрат посмотрел на меня так, будто услышал детскую просьбу отдать ключ от чужого дома.

— Ты хочешь, чтобы я провёл тебя к добыче. Под красивыми словами всё та же жадность.

— Почему тогда сегодня она утащила ящики Ершова?

— Люди растревожили ложе реки. Вода поворачивает там, где её удерживали. И забирает то, что стоит на пути.

Кондрат опустил руку. Ледяная струя рванула к берегу. Я успел отступить, но волна окатила сапоги до колен. Ноги свело так, будто я влез в сугроб без штанов. Важин ухватил меня за ворот и дёрнул на сухую глину. Кондрат за нами не пошёл; волна сразу осела, оставив на камнях тёмный след.

— Уходи, Артём Горин. Не заставляй реку повторять.

Мне хотелось ответить колкостью, но зубы стучали слишком громко. Важин подставил плечо, и мы отошли к тропе. Егор с Лёней к тому времени дотянулись до ящика длинной жердью и подтянули его к сухой площадке. Один из них посмотрел на меня, открыл рот, потом махнул рукой. Похоже, сегодня все получили достаточно объяснений.

У развилки я присел на сухой камень. Пальцы ног онемели даже сквозь сапоги. Я осторожно пошевелил ими. Важин убедился, что я могу идти, и сердито посмотрел на сваи.

— С ним не договоришься, — сказал он.

— Он и не обязан. У него там рыба, ил и характер, который никто не выбирал.

— А у тебя привычка спорить с теми, кто способен утопить целый причал.

— Причал пока стоит. Значит, день можно считать удачным.

Пока холод отпускал ноги, я следил за течением. Ледяная струя шла вдоль свай, скрывалась под мостком и показывалась ниже, у следующего ряда камней. Сухой участок за кладкой оставался нетронутым. Вода давала Кондрату преимущество, и он не собирался тратить силы на погоню по траве.

— Видишь? — спросил я.

— Вижу, что ты опять собираешься сунуть туда голову.

— Я вижу, где волна сходит на нет, — сказал я. — По сухой тропе нас не накрыло. Значит, здесь хотя бы есть куда отойти.

Важин фыркнул.

— Великое открытие. Водяной предпочитает воду.

— Когда тебя только что окатили ледяной речкой, даже простые открытия греют душу.

Ниже по берегу снова показался Шмыг. Связку мелочей он подвесил на выступе над водой и теперь карабкался вдоль кладки, перебирая длинными пальцами. За его спиной темнело ещё одно отверстие. Оттуда пахло сыростью и старым песком.

— Смотри, — сказал я Важину. — У него есть выход с обратной стороны.

— Там короткий лаз, — отозвался Важин. — Не дорога.

Я осторожно заглянул в щель. За первым камнем тянулась узкая ниша, дальше упиралась мокрая стенка. Сквозь соседнее отверстие просвечивал тот же самый берег. Шмыгу хватало нескольких ходов между камнями, чтобы исчезать у меня из-под носа. Пройти отсюда к дальнему причалу через Изнанку не смог бы даже он.

Шмыг заметил меня, оскалился и прижал связку к груди. Я поднял обе ладони.

— Не претендую. Даже на свою пуговицу.

Шмыг исчез за выступом. Оттуда донеслось раздражённое царапанье. Маленькому собирателю пришлось отступать перед той же водой, которая только что напугала людей. Кондрат защищал русло, но его гнев доставался и соседям. Мне стало неуютно сильнее, чем от мокрых носков.

Волна вымыла из старой древесины ржавый гвоздь. Чуть дальше глина сползала к сваям, обнажая обломанные доски. Если Руднев продолжит дёргать берег баграми, скоро исчезнет и тропа, по которой мы сюда пришли.

Важин ткнул носком в рыхлую полосу. Земля под ним треснула, а в провале блеснула вода. Григорий отступил и потянул меня за рукав. Мы обошли обрыв по траве. Я запомнил это место: на обратном пути здесь легко сломать ногу, особенно если бежать от чужого багра.

— Ты теперь каждую лужу будешь запоминать? — спросил Важин.

— Только те, которые могут меня съесть. Остальным позволю жить спокойно.

У самого причала снова раздался треск дерева. Из ила вырвало обломок старой жерди и швырнуло о сваю. Мы обернулись. Даже обычная палка сегодня могла угодить в лицо. Лёня подхватил мокрую коробку, поскользнулся и сел в грязь. Егор выдернул его за воротник прежде, чем очередная струя добралась до поддона. Важин шагнул было к ним, но рабочие уже поднялись сами. Теперь они держались подальше от воды. А вот люди Руднева у песчаной косы снова подбирали багры. Видимо, обещанная доплата пока перевешивала желание уехать домой.

Мы вернулись к Егору и Лёне. Они раскладывали спасённые свёртки на перевёрнутом поддоне. Медная рамка оказалась цела, зато несколько коробок размокли насквозь. Егор, широкоплечий мужчина с сединой в усах, первым протянул руку. Лёня молча кивнул. Я наконец мог сопоставить имена с лицами.

— Сколько потеряли? — спросил я.

Егор махнул рукой.

— Два ящика унесло утром. Этот вытащили. За целое Ершов заплатит, а остальное на нас повиснет: мы же обещали довезти.

— Руднев здесь что делает?

— С утра кружит. Сваи щупает, под берег лезет. Говорит, старый металл ищет. Заодно всех с причала гонит, будто речку купил.

Лёня выжал мокрую тряпку и добавил:

— У него один работник после обратной воды хотел уйти. Руднев обещал доплатить. Тот остался. Пока.

У лодки на косе люди снова собирали багры. За деньги они терпели холод и страх, но зачарованными слугами не выглядели. Один зло пнул сломанный шест. Второй долго тёр замёрзшие ладони, поглядывая на опасную воду, и явно рассчитывал, когда закончится оплаченный риск.

— Скажите Фёдору, что я видел, — попросил я. — Товар пострадал из-за течения. Иначе ещё решит, что вы весь день играли в карты.

— А ты кто ему? — спросил Егор.

— Покупатель без денег и знакомый с неприятными новостями.

Я помог перенести уцелевшие свёртки повыше. Из-за правой кисти брал только лёгкое. Важин поднял тяжёлый ящик один, даже не крякнув. Рабочие проводили его уважительными взглядами. Он сделал вид, что не заметил. Сегодня его сила пригодилась без всякой драки.

Когда мы поднялись на дорогу, из-за деревьев выехала чёрная машина. Рядом с водителем сидел Руднев. Он опустил стекло и осмотрел наши мокрые сапоги.

— Опять здесь, Горин? — спросил он. — Я ведь предлагал решить вопрос мирно.

— А я предлагал не ломать берег. Вижу, оба остались при своём.

Руднев перевёл взгляд на старый рукав. Лицо у него было усталое, под глазами залегли тени. Но в голосе не слышалось сомнений.

— Течение временное, — сказал Руднев. — Работу продолжим.

— Вашим людям об этом сообщили? Они только что чуть не уплыли вместе с лодкой.

— Они получают деньги за риск.

— Удобная формулировка. Особенно когда риск выплачивается рекой.

Руднев помолчал. Потом улыбнулся одними губами.

— Не лезьте под ноги. Завтра здесь будет тесно.

Машина уехала, оставив на гравии две мокрые колеи. Важин проводил её взглядом.

— Слышал? Завтра.

— Слышал. Значит, придём раньше.

— После сегодняшнего ты всё равно хочешь к барже?

Карта торчала из кармана, испачканная тиной. Дома лежали две серебряные находки — единственная пока настоящая добыча. Руднев продолжал искать железо, которое хозяин русла велел оставить в покое.

— Хочу, — ответил я. — Серебро само себя из ила не выкопает. Но у воды сегодня появился голос. И он очень ясно сказал, чем нам всё это грозит.

По дороге домой мы заехали за горячим чаем. Важин молчал почти всю поездку. Я не торопил его. Он уже вытащил меня из холодной волны и помог людям сохранить часть заработка. Для одного дня вполне достаточно, даже по меркам оборотня.

У дома я развернул карту и провёл пальцем вдоль старого русла. В памяти ещё стояла ледяная струя, выбрасывавшая людей на берег. Возле баржи написал два слова: «донное железо». Поставил рядом вопросительный знак. Кондрат не говорил, где лежит опасная вещь, а я не собирался превращать догадку в готовый ответ.

В прихожей меня поджидало ведро. Семён подвинул его к мокрым сапогам и выразительно сложил руки на груди. На этот раз я не стал возражать.

— Опять река? — спросил он.

— Сегодня она сама за мной гналась.

— И догнала?

— Только до колен.

Семён ушёл на кухню. Я повесил куртку сушиться, убрал карту в ящик к серебряным находкам и выглянул в окно. По улице прошёл автобус, у подъезда соседи снова спорили из-за парковки. На мокрой дороге отражались витрины. За городом Руднев собирался вернуться к старому руслу, несмотря на предупреждение Кондрата.

Жёлтый взгляд водяного всё ещё преследовал меня. От ледяной волны теперь болели пальцы ног. Кондрат не собирался помогать мне искать клад. Зато теперь я знал, что Руднев ищет в старом русле железо, опасное даже для его хозяина. Я оставил телефон у изголовья. Ночью он так и не зазвонил. Под утро я задремал. Телефон завибрировал раньше будильника. На экране было имя Важина.

ГЛАВА 7. ЧУЖОЙ УЛОВ

— У Руднева уже тянут железо, — сообщил Важин вместо приветствия. — Собрались выдрать борт из ила.

За окном серело. Важин говорил так быстро, что я едва успел надеть брюки. Руднев начинал без свидетелей, пока город ещё спал; за считаные минуты всё, что лежало под илом, могло оказаться в кузове его грузовика.

Семён сидел на подоконнике возле смолёной доски и смотрел на неё с выражением хозяина квартиры, которому квартирант притащил дохлую рыбу. Доска по-прежнему пахла рекой. В ящике стола лежали серебряная накладка и оправа, завёрнутые отдельно. Находки остались дома. Руднев уже показал, как легко лишить человека даже того, что тот успел вытащить из грязи.

— Ты куда собрался? — спросил Семён.

— Посмотреть, как богатые люди теряют деньги.

— Тогда зеркало возьми. На себя посмотришь.

Я проверил, что серебро осталось дома, и вышел. Рабочие перчатки сунул в карман машинально, как когда-то ключи от мастерской. Теперь обычная смена казалась отдыхом по сравнению с берегом, где даже вода умела предъявлять претензии.

Важин ждал возле своей машины, прислонившись к крылу. Выглядел он бодрее меня, хотя вчера его тоже потрепала вода. Я протянул ему стакан кофе, купленный у круглосуточного киоска. Григорий понюхал крышку и поморщился.

— Что это?

— Кофе.

— Пахнет палёной резиной.

— После твоего нюха удивительно, что ты вообще пьёшь кофе, а не пытаешься его закопать.

Он отпил и сообщил, что я когда-нибудь умру от собственного остроумия. Я ответил, что река уже записалась в очередь.

Мы выехали, пока город ещё дремал. По дороге я напомнил Важину о вчерашних словах Кондрата и показал на карте участок у борта. Григорий спросил, зачем мы возвращаемся туда, где водяной велел не трогать донное железо.

— Руднев полезет глубже, — ответил я. — А я хочу успеть забрать то, что лежит выше.

— Разумная глупость, — оценил Важин.

Зазвонил его телефон. В коллекторском агентстве уже ждал должник, назначенный на разговор ближе к обеду. Он явился раньше времени и требовал немедленной встречи с хозяином.

— Передайте, что я приеду, как договаривались, — сказал Григорий сотруднице. — У меня сейчас переговоры с рекой. Она пока на уступки не идёт.

У старого причала мы увидели две машины Руднева. Одна стояла возле склада, вторая почти перекрывала грунтовый спуск. По берегу сновали люди в непромокаемых куртках. Они таскали мокрые верёвки, ругались на холод и оглядывались на моторную лодку, где сам хозяин бригады стоял под тентом, сохраняя сапоги сухими. Оттуда он следил за работой и, похоже, мысленно выставлял счёт за каждый чужой промах.

Мы оставили машину за ивняком и подошли к воде. Там, где вчера течение шло вспять, река сегодня притворялась ленивой. У борта суетились люди Руднева, заставляя старую древесину трещать под ударами. Один работник нервно поглядывал на соседа: ещё немного, и обоим придётся выбирать между премией и собственными ногами. Я считал спокойную реку

добрым знаком ровно настолько, насколько заяц считает спокойную волчью морду обещанием безопасности.

— Они его разломают, — сказал я.

— Могут. А могут сами туда свалиться, — отозвался Важин.

Важин указал на борт. Работники Руднева стояли опасно близко к воде; судно вырывалось из ила с таким стоном, будто будили кого-то, кто очень давно хотел, чтобы его оставили в покое. Два человека уже спорили, кому придётся первым спуститься к чёрному провалу.

Руднев заметил нас не сразу. Зато его работник Степан, стоявший у троса, узнал мгновенно. Широкие плечи, привычка держать багор так, словно тот прирос к ладони. В прошлую встречу он смотрел на меня как на помеху; сегодня оценил нашу обувь, сумку и расстояние до воды. Хорошая память для человека, который зарабатывал тем, что отгонял любопытных.

— Опять вы, — сказал он.

— Берег общественный, — ответил я.

— А борт занят.

— Поздравляю с помолвкой.

Степан схватил меня за рукав. Я вывернулся, стараясь не нагружать правую кисть, и оттолкнул его плечом. Он ответил толчком в грудь, заставив меня отступить на скользкий гравий. Важин шагнул между нами. Его лицо застыло, и Степан, разглядев, с кем связался, разжал кулаки. Короткая драка закончилась, едва начавшись.

— Борт не трогайте, — процедил Степан и вернулся к тросу.

Я поправил куртку. За право стоять в грязи чуть не лишился последней сухой одежды. Впрочем, у нас ещё имелись причины задержаться здесь.

Мы обошли людей по высокой кромке. Подмытый берег открыл знакомый кусок смолёного дерева и ещё одну тёмную щель. Я пригнулся, заглянул в мутную воду и заметил старую ткань. Под ней что-то блеснуло. Важин оглянулся на Руднева: тот ещё не видел, как близко мы подошли к чужой добыче.

Первая горсть ила ничего не дала. Вторая обнажила холодный металл. На миг захотелось вскочить и закричать, но рядом уже ругались люди Руднева. Я заставил себя смотреть внимательнее и узнал серебряную застёжку. Она лежала рядом с корабельным деревом, словно река случайно вернула клочок чужой жизни.

— Есть что-нибудь? — тихо спросил Важин.

— Пока только повод для столбняка.

Я осторожно вынул застёжку. Истлевшая ткань развалилась в пальцах; металл уцелел. Мне стало не по себе от мысли, что вещь пережила владельца, баржу и целый век, а сейчас рискует попасть в карман человеку, который едва умеет вовремя остановиться.

Серебро исчезло под курткой. Важин заметил мою улыбку и нахмурился. Пришлось изобразить лицо человека, обнаружившего в воде дохлого рака. Григорий счёл его ещё подозрительнее.

— Не показывай, — сказал он.

— Уже спрятал.

— Я не про серебро. У тебя лицо такое, будто нашёл вторую зарплату.

Я постарался сделать лицо человека, обнаружившего дохлого рака. Важин счёл его ещё подозрительнее.

Ниже застёжки я обнаружил другую пустоту. Оттуда доносился глухой удар, похожий на отзвук большого железа. Я остановился: обычный груз так не отвечает на прикосновение. Впервые захотелось уйти с добычей, пока Руднев не успел понять, что под баржей спрятано нечто опаснее серебра.

— Слышишь? — спросил я.

Важин присел и прислушался к коротким ударам.

— Слышу, как у тебя заканчивается осторожность.

— Под доской железо. Тянется вдоль стенки. Может, край люка.

Слово «может» я произнёс нарочно. После бочонка с камнями в Ивовой заводи мне не хотелось снова объявлять находку сокровищем до того, как увижу её целиком.

У лодки закричали. Судовой борт дрогнул и медленно вышел из грязной воды. Все смотрели на него — кроме Руднева. Аркадий метался вдоль берега, требуя заглянуть под днище. Рабочие переглядывались: хозяина волновал совсем другой груз, и ради него он готов был заставить людей снова спуститься к опасной глубине.

— Видишь? — прошептал я Важину.

— Вижу, что он не радуется.

— Ему нужен другой груз.

— Ты это уже подозревал.

— Теперь подозреваю громче.

По берегу прокатился тяжёлый скрип. Я на миг увидел тёмное железо в щели и понял, что продолжать поиск сейчас нельзя. Отреагировала сама вода: у борта появилось обратное течение, хотя выше река шла как обычно.

К нам по гравию спустился Фёдор Ершов. Я не слышал, как подъехала его машина, и сперва узнал только знакомое недовольное выражение лица. На нём было тёмное пальто, слишком приличное для такого берега, и резиновые сапоги, словно купленные исключительно из ненависти к грязи.

— Горин, — сказал он вместо приветствия. — Если собираетесь продать мне речную ржавчину, сначала вытрите руки.

— А если серебро?

— Тогда вытрите особенно тщательно.

Фёдор посмотрел на работников Руднева и скривился. После вчерашнего испорченного груза у него были причины не любить чужие верёвки. Я спросил, что привело его к барже. Антиквар ответил, что за день здесь утопили столько старых вещей, сколько он продавал за месяц. Ему хотелось увидеть будущий товар, прежде чем тот окончательно превратится в щепки. О магической помощи в поиске он даже не заикался. Ценность вещам Фёдор определял глазами и опытом, как любой хороший антиквар.

— Вода сегодня ведёт себя странно, — заметил я.

— Вода здесь всегда ведёт себя так, будто мы ей должны, — отрезал Фёдор.

Важин молчал. Ноздри Важина едва заметно дрогнули: он уловил в антикваре знакомый запах нежити. Фёдор тоже посмотрел на Григория внимательнее. Они оба прекрасно умели разговаривать глазами. Мне оставалось догадываться, сколько оскорблений уместилось в этой паузе.

Фёдор спустился к низкому настилу, откуда был виден поднятый край борта. Под настилом лежали две плотные тени: от перевёрнутой лодки и от штабеля досок. Между ними оставалось меньше пяти метров, и обе были видны. Антиквар одним рывком переместился из одной тени в другую, появившись возле брошенного грузового крюка. Я моргнул. Даже зная, с кем имею дело, привыкнуть к таким прогулкам было непросто.

— Он сейчас?.. — начал я.

— Да, — сказал Важин. — И не проси повторить.

Фёдор ухватил крюк за деревянную рукоять, собираясь убрать его с края настила. Один из людей Руднева заметил движение и шагнул ближе. Возле штабеля досок что-то сухо стукнуло. Работник отвлёкся на звук, и Фёдор успел поднять крюк. В тот же миг с лодки ударил яркий фонарь; луч перерезал путь между тенями.

Фёдор попытался вернуться тем же коротким рывком и резко остановился. Сапог поехал по мокрой доске; антиквар ухватился за стойку и выругался. Свет лишил его теневого перехода. Пришлось отходить обычным шагом, не выпуская крюка.

— Уберите фонарь! — крикнул он.

— Сам убирайся! — отозвался работник.

Фёдор положил железо на настил с таким стуком, что оба вздрогнули. По крайней мере, крюк остался на суше.

Мне мелькнуло, что чужие способности выглядят особенно впечатляюще, пока кто-нибудь не включит обычный фонарь. Потом вода под баржей пошла в обратную сторону. Я увидел это по плавающей щепке: секунду назад её несло к протоке, теперь она быстро поплыла к борту. Вслед за ней потянулась пена. Со дна поднялся низкий гул — так могла бы скрежетать тяжёлая дверь, протащенная по камням.

— Важин! — крикнул я.

Важин схватил меня за воротник и потащил вверх, когда борту нанесло новый удар. Я споткнулся, ударился плечом о мокрый выступ и успел заметить, как рабочие бросают опасное место. Один рухнул на колени; Степан метнулся к нему, не дожидаясь команды Руднева.

Мы упали за береговым выступом. Над нами пронёсся сорвавшийся кусок дерева. Рядом кричали люди, а течение на мгновение пошло против обычного хода. Никто из работников больше не думал о премии за найденный груз. Я впервые увидел, как быстро чужая жадность заставляет других забыть про собственную безопасность.

— Они отошли. Смотри на борт!

Я повернулся как раз вовремя.

Поднятая обшивка медленно опускалась. Вода бурлила, вымывая из щелей чёрный ил. Потом тяжёлая часть борта сорвалась вниз, с грохотом ударилась о скрытые доски и ушла в мутную глубину. Щель, где я только что стучал совком, исчезла под водой. Несколько пузырей поднялись к поверхности и лопнули. Река захлопнула перед нами крышку.

Руднев велел остановиться. Работники выбирались наверх, рассматривая разбитые ладони и промокшие куртки. Один прижимал к груди руку, другой молча смотрел на воду. Я поднялся рядом с Важиным. На берегу стало так тихо, что было слышно, как за стеной старой баржи перекатывается тяжёлый предмет.

— Зато теперь куртка точно речная.

— Надеюсь, скидку на новую даст Кондрат.

— Ты ещё попробуй предъявить ему чек.

Я смотрел на мутную воду и вспоминал вчерашние слова водяного. Обратная струя очень походила на власть Кондрата над старым руслом. Но самого хозяина я не видел. Здесь и без его появления хватало опасностей: люди Руднева ломали обшивку, а берег осыпался под ногами. Кому бы ни принадлежала эта волна, она едва не покалечила нескольких человек.

Фёдор выбрался из-под настила обычным шагом. Пальто у него оказалось забрызгано, а лицо выражало желание немедленно увеличить цену на все вещи в магазине. Он остановился рядом с нами и посмотрел на закрывшуюся щель.

— Если найдёте что-то целое, приносите, — сказал он.

— А если снова полезете туда за крюком? — спросил я.

— Он мой, — отрезал антиквар. — Ещё со вчерашней разгрузки. Пришлось забрать, пока ваши новые знакомые не утопили и его.

Он ушёл к машине, даже не взглянув на мой карман. Серебряную застёжку я ему показывать не стал.

У лодки Руднев спорил со Степаном. Я сделал вид, что ищу потерянную перчатку, и задержался у куста. Аркадий считал, что после такого переполоха все оглохли; на самом деле его слышали даже чайки.

— Сундук оставьте, — произнёс он отчётливо. — К нему потом вернёмся.

Степан что-то возразил.

— Я сказал: ищите другое железо. Ниже днища. Пока вода не поднялась снова.

Я замер. Раньше у меня были догадки: странный интерес Руднева к нижней части корпуса, слова Кондрата, тяжёлое железо под водой. Теперь противник сам отделил сундук от того, ради чего пришёл. Обычное серебро его люди собирались поднять позже. Он же искал вещь глубже под днищем и был готов рискнуть ради неё людьми. Что это за железо, я по-прежнему не знал.

Важин подошёл бесшумно.

— Услышал?

— Да.

— Тогда уходим. Он сейчас разозлится и начнёт искать виноватых.

Я посмотрел на Руднева. Тот застыл возле лодки, глядя на воду, и был похож на человека, у которого украли обещанный успех. В какой-то момент он заметил меня. Мы встретились взглядами. Его молчание понравилось мне меньше вчерашних угроз.

На обратном пути мы нашли совок, выброшенный водой ниже по берегу. Рукоять сломалась пополам. Я подобрал обе части и сунул в сумку. Важин не удержался:

— Первое, что ты сегодня честно вытащил из реки.

— Застёжку забыл.

— Её я пока не видел. Может, ты придумал.

Я достал свёрток, развернул тряпицу и показал серебро. Григорий повертел вещицу в пальцах, оценил вес и вернул мне.

— Похоже, действительно серебро.

— Надо будет спросить у Фёдора.

— Когда он перестанет ненавидеть фонари.

У машины я нащупал застёжку в кармане. Первая серебряная накладка и оправа, найденная у борта в третий день, лежали дома. Сегодняшняя застёжка стала третьей находкой. На следующую вылазку я решил взять оправу и застёжку, чтобы сравнить их с местами находок. Накладку оставлю у Семёна. Мысль принести две ценные вещи туда, где хозяйничали люди Руднева, была сомнительной. И всё-таки я уже прикидывал, как незаметно пройти к осыпи.

Важин сел за руль, но не завёл двигатель.

— Ты сейчас о чём думаешь?

— Об отсеке под баржей. Он не пустой.

— Я вижу. По глазам.

— И Руднев туда полезет снова.

— А о том, что тебя чуть не разрезало тросом, думаешь?

Я глянул на порванный рукав. Мне повезло больше, чем работнику, которого ударило у баржи. Ответ прозвучал так, будто я сам себе не верил:

— Думаю.

— Недостаточно громко, — сказал Важин и завёл машину.

По дороге назад Важин свернул к своему агентству. В приёмной нас ждал невысокий мужчина, который пришёл раньше назначенного часа и успел поссориться с сотрудницей. Он держал на вытянутой руке пакет с разбитыми часами.

— Верну ими долг! — объявил он. — Они почти новые.

— Почти новые — это когда время отстаёт, — заметил Важин. — У ваших вообще отсутствует понятие будущего.

Мужчина обиделся. Пакет упал на пол, из него выкатилась стрелка. Пока я наклонялся её подобрать, посетитель решил пройти в кабинет без приглашения. Григорий шагнул в сторону

и придержал дверь, чтобы тот не ударился лбом о косяк. От такого гостеприимства человек остановился сам.

— А теперь без представлений, — сказал Важин. — Вы пришли поговорить о долге. Мы можем договориться о посильных выплатах. Если хотите сдавать часы, ищите покупателя, а не моего бухгалтера.

Мужчина ещё минуту злился, потом попросил воды. Сотрудница принесла стакан и предложила сесть. Григорий спокойно объяснил ему возможный график платежей. На прощание посетитель услышал мою шутку: «Часы лучше оставьте в мастерской, там хотя бы знают, куда девать сломанные стрелки». Он понял её буквально, высыпал всю часовую мелочь на стойку и ушёл, прежде чем мы успели возразить. Сотрудница посмотрела на Важина так, будто хотела выставить ему отдельный счёт за моего гостя.

— Иногда у тебя получается обходиться без клыков, — сказал я. — Зато я, кажется, открыл приём металлолома.

— Поздравляю. Теперь собирай. И клиенту позвони сам: я не собираюсь хранить его семейное наследство из-за твоего остроумия.

— Я ими ем, Горин. Для работы есть сотрудники и голова. Некоторые, к сожалению, проверяют наличие головы только после первой просрочки.

Я потратил остаток перерыва на то, чтобы догнать упрямого посетителя, вернуть пакет со сломанными часами и извиниться перед сотрудницей. Мужчина сначала потребовал расписку, потом согласился забрать добро и неожиданно извинился за крик. Важин встретил меня без улыбки: «Ещё одна бесплатная консультация — и возьму тебя в штат вместо того, чтобы отдавать долги». Шутка обернулась настоящей беготнёй. Мы вышли на улицу как раз вовремя, чтобы увидеть людей Руднева у натянутого троса. Он командовал ими куда грубее, чем Важин разговаривал с должником.

К мастерской мы подъехали как раз, когда Павел выпускал из ворот машину клиента. Остаток дня я всё-таки отработал. После берега инструменты слушались хуже обычного. Павел посмотрел на мокрую обувь и спросил, не устроился ли я по совместительству рыбаком. Я ответил, что рыба пока платит хуже автомобилей. Он велел перестать приносить на работу речной песок и поручил мне простую работу, с которой справлялась левая рука. За это я был ему благодарен. Клиенты мастерской не обязаны ждать, пока я разберусь с утопленными сундуками.

Во время короткого перерыва я развернул застёжку под лампой. Серебро было потемневшим, но сохранилось хорошо. На язычке виднелась крошечная выемка, возможно, оставленная старым мастером. Никаких знаков, обещающих тайную власть над рекой, я не обнаружил. Обычная дорогая вещь из чужого прошлого. Ради таких находок я и возился в иле. Только пока мои расходы на поездки и испорченную одежду росли быстрее доходов.

После смены я позвонил Марине. Рассказал о рывке воды, закрывшемся отсеке и приказе Руднева искать железо под днищем. Она слушала молча. Потом спросила, не пытался ли я применить перстень против течения.

— Даже не подумал, — ответил я.

— Правильно. Он принимает направленный магический удар. Вода просто снесёт тебя вместе с берегом.

— Кондрат вчера предупреждал.

— Тогда слушай хотя бы того, кто живёт там дольше тебя.

Я пообещал быть осторожнее. Марина не сделала вид, будто сразу поверила.

У порога Семён молча изучил сломанный совок, который я принёс.

— Это теперь тоже клад?

— Памятник труду.

— Поставь возле ведра. Там музей твоих успехов.

Я послушался, открыл ящик и положил застёжку рядом с накладкой и оправой. Три серебряные вещи поблёскивали на тёмной подкладке. Я перебирал их глазами, не прикасаясь. Первую я поднял на размытой осыпи, вторую выцарапал из баржи в третий день, третью сегодня успел спасти от обратной волны. Всё это действительно пришло с баржи. А от недавней драки на столе остался порванный ремешок сумки — куда менее приятная добыча.

Перед сном я долго вспоминал работника, которого Степан вытащил с опасного берега. В первую секунду я обрадовался, что людям Руднева пришлось отступить. Когда Степан потащил раненого за ворот, радоваться чужому отступлению расхотелось. Важин стоял рядом, опираясь на повреждённую ногу, и не спускал глаз с воды. Но чёрное железо под баржей не отпускало мысли ни на минуту.

За окном шумел вечерний Кобрин. Я погасил свет, но снова услышал чужой голос с берега: «Сундук оставьте». Руднев ради чёрного железа готов был бросить то, ради чего я вообще полез в воду. Из соседней квартиры донёсся смех. Я стоял в темноте с рукой на выключателе и вдруг почувствовал запах сырого ила — хотя дома не было ни одного мокрого сапога.

ГЛАВА 8. ПРОМАХ НА БЕРЕГУ

Семён встретил мои мокрые сапоги таким стуком, будто собирался выставить их вместе с хозяином. Я искал ключи: после вчерашнего приказа Руднева рабочие могли добраться до груза раньше меня. Семён подтолкнул мокрый сапог к двери и встал рядом, явно намереваясь задержать меня хотя бы на минуту.

Первую серебряную накладку я оставил в ящике стола. Оправу, вытащенную из баржи в третий день, и вчерашнюю застёжку завернул в отдельные тряпицы и уложил на дно сумки. Я собирался проверить, не появилось ли у борта ещё серебра. Почему-то решил взять две находки с собой — будто в дороге они станут убедительнее. Семён молча следил за сумкой. Позднее я не раз вспоминал этот взгляд.

Семён появился возле кухонного стола, пока я затягивал ремень.

— Опять на речку?

— Сначала на берег. В реку пока не собираюсь.

— Это ты воде скажи. Вчера она, судя по сапогам, опять пыталась с тобой познакомиться поближе.

Сумка с серебром оказалась на левом плече: правой рукой я уже не мог удержать её надёжно. Семён шагнул к двери и неожиданно отодвинул мой сапог. Я принял это за разрешение уйти. Зря.

Важин ждал возле моей машины. Увидев сумку, он поморщился.

— Ты их взял?

— Оправу и застёжку. Первую накладку оставил дома.

— Зачем?

— Хочу ещё раз осмотреть места, где их вымыло из борта. Может, найду продолжение щели.

— Вчера ты уже нашёл щель. Ещё немного — и она тебя найдёт.

Я положил сумку на заднее сиденье и сел за руль. Григорий устроился рядом, изучил мои руки и ничего не сказал. За последние дни он достаточно раз вытаскивал меня из мокрой глины, чтобы не тратить слова на предупреждения. Я повернул к боковому съезду у старой пристани.

Ночью снова прошёл дождь. Вода немного поднялась, а у причала Руднев наверняка оставил людей. Я предложил зайти к барже со стороны ивняка, по узкой тропе к глинистому выступу. Её я приметил во время первой вылазки. Тогда вдоль края уже тянулись трещины. После нового дождя берег мог осесть ещё сильнее. Важин предложил верхнюю дорожку, с которой можно спуститься к воде дальше по течению. Я отмахнулся: там нас сразу заметят рабочие Руднева. Мне самому было ясно, что ради скрытности я выбираю опасный спуск. И всё-таки повернул к ивам.

— Там размыв, — напомнил Важин.

— Пройдём осторожно.

— Ты это говоришь каждый раз перед тем, как у нас появляется новая причина покупать бинты.

Я заглушил двигатель на площадке между кустами. Мы пошли пешком. Ветер тянул от реки запах мокрой коры и рыбы. Внизу пустая пластиковая бутылка стучала о камни. Из-за деревьев виднелся тёмный край баржи. Людей на настиле я не заметил и решил, что мы успеем осмотреть осыпь до их прихода.

Тропа оказалась хуже, чем выглядела сверху. Слева скользила мокрая глина, справа склон обрывался к камням. Я ставил ноги возле корней и придерживал сумку левой рукой. Важин

шёл позади. С его равновесием здесь было проще, но он всё равно поглядывал, как оседает земля под моими ботинками.

Под камнем впереди мелькнуло что-то серое. Из щели высунулась маленькая морда с тёмными глазами. Шмыг. Накануне он уже пытался обчистить нас на берегу. Сегодня его заинтересовал металлический язычок на пряжке моей сумки. Существо скользнуло между корнями, впилось зубами в блестящую деталь и потянуло к себе.

— А ну, отцепись!

Я дёрнул сумку вверх. Шмыг повис на ремешке, сердито зашипел и отпустил пряжку только после второго рывка. Важин шагнул ко мне, но существо успело нырнуть под соседний камень и показалось из другой щели в паре шагов. Так быстро между камнями перемещалась лишь мелочь, способная пролезть в эти тесные ниши.

— Оставь мелочь, — сказал Важин.

— Он мою сумку ест.

— Ты сейчас стоишь на краю.

Под носком ботинка зашуршала осыпавшаяся глина. Пришлось отступить к стволу и перевести дыхание. Пока я поправлял перекрученный ремень, из-за поворота вышли двое мужчин в резиновых сапогах. Одного я вчера видел возле лебёдки. Второй нёс короткий багор с железным крюком. Куртки у обоих промокли почти до локтей. Они шли со стороны причала, но по этой тропе с багром едва ли отправились на прогулку. Меня насторожило, что оба смотрели на мою сумку.

Они остановились поперёк тропы. Позади нас проход сужался у толстого корня, справа уходил крутой склон. Разойтись можно было только вплотную. Я невольно придержал сумку, и мужчина с багром сразу заметил движение.

— Руднев просил передать, — сказал человек с багром. — Здесь теперь не гуляют.

— Передавайте, что у берега нет хозяина, — ответил я.

Он усмехнулся и опустил железо. Второй посмотрел на сумку.

— А это что? Вчерашний улов?

— Сменная обувь. Вам размер не подойдёт.

Важин тихо произнёс моё имя. Я знал этот тон: он уже оценил склон и обоих противников. Я отступил к дереву, собираясь дать мужчинам пройти. Но тот, что был без багра, шагнул прямо ко мне и потянулся к ремню сумки.

Я отбил его руку шестом. Багорщик обошёл товарища и попытался прижать меня к обрыву. Я выставил шест поперёк тропы. Крюк вцепился в древесину, с неё полетели мокрые щепки. Земля под моей правой ногой поползла, открывая внизу камни. Я попытался перенести вес назад, но ботинок скользнул.

Важин схватил меня за воротник и выдернул к корням. Следом врезался плечом в багорщика. Тот отлетел в кусты, зато второй успел ухватить ремень сумки. Ткань треснула. Мужчина оторвал кусок лямки, разжал пальцы и побежал вниз по тропе. Серебро осталось у меня. Я решил, что беглец собирается позвать остальных, но Григорий уже смотрел ему вслед.

— Не гонись, — сказал я.

— Григорий, стой!

Он на миг принюхался и стремительно рванул за беглецом. Узкий проход остался позади, потом обоих скрыли мокрые ветки. Важин умел догнать человека по знакомому запаху, но на такой тропе даже его прыть не отменяла скользких камней. Я остался один перед багорщиком и тут же пожалел, что не настоял на уходе. Похоже, Григорий решил перехватить человека, который рвал мой ремень, раньше, чем тот приведёт остальных. Я хотел крикнуть, что серебро при мне, но багорщик уже поднимался.

Мужчина выбрался из кустов, сплюнул и схватился за мой шест. Я опустил конец палки, сбивая ему равновесие, затем ударил локтем по скуле. У него выступила кровь на губе. Ответ-

ный кулак угодил мне под рёбра. Я согнулся, едва удержавшись на ногах. Сумка била по бедру и мешала повернуться боком к противнику.

— Бросай вещи, — процедил он.

— Свои купи.

Багорщик ударил снизу. Крюк распорол правый рукав и оставил длинную царапину на предплечье. Я вскрикнул, перехватил шест здоровой левой рукой и ударил по древку багра. Железо ушло в сторону. Перстень «Чёрный отклик» оставался холодным: против обычного крюка он ничего не мог сделать. Я рванулся выше, к дереву, где было чуть больше места.

Внизу раздался крик. Сквозь ветви я увидел Важина возле старой лестницы. Он догнал беглеца и отшвырнул его от края. Мужчина вскочил, попробовал зайти сбоку. Григорий ещё раз рванулся навстречу на знакомый запах, но на мокрой ступени его нога подвернулась. Он удержался, уперевшись в перила, и сразу замедлился. Второй резкий рывок вымотал его сильнее первого. Григорий попробовал осторожно перенести вес на повреждённую ногу и поморщился. Я видел, как он хотел снова броситься вперёд, но теперь держался за перила, чтобы не упасть.

— Гриша! — крикнул я.

Из-за лодочного навеса вышел третий мужчина с длинной палкой, обмотанной у конца верёвкой. Беглец перестал отступать. Новый противник замахнулся на Важина сбоку. Григорий попытался уйти от удара, но подвернутая нога не выдержала. Он прикрыл голову предплечьем, принял удар и опустился на колено.

Я видел это с верхней части тропы. Сумка с серебром по-прежнему висела на плече. До машины можно было добраться по берегу, оставив Григория троим противникам. Выбор сделал я сам, когда утром сложил находки в сумку. Теперь за него расплачивался Важин.

Шест выскользнул из разбитой ладони и упал возле дерева. Я сорвал сумку с плеча и швырнул её на тропу за спиной багорщика.

— Забирай! — крикнул я. — Только отойди!

Мужчина обернулся. Мне хватило мгновения, чтобы проскочить мимо него к спуску. Сумка стукнулась металлической пряжкой о камень и поехала по мокрой глине. Багорщик выругался и бросился к ней. Я уже скользил вниз, туда, где Важин пытался встать.

Спускаться пришлось почти на пятках. Я ухватился за корень левой рукой, съехал по осыпи и приземлился возле старой лестницы. Колено ударилось о доску. Третий мужчина снова поднял палку над Григорием. Я налетел на него плечом, и мы вместе врезались в стойку навеса. Палка хлестнула меня по спине; воздух вышибло из груди.

Важин поднялся, ухватил противника за куртку и бросил в грязь. Для этого ему хватило обычной силы оборотня; нового рывка он уже не потянул бы. Потом схватил меня за локоть.

— Уходим.

— Сначала ты встань нормально.

— Уже стою. Не заставляй проверять второй раз.

Беглец попытался достать нас сзади. Я развернулся и ударил его ботинком по голени. Он взвыл. Григорий толкнул его в грудь, и мы выскочили из-под навеса к заросшей дороге, которая обходила обрыв. Я придерживал товарища за плечо. Он ругался и уверял, что ходит сам, однако на повреждённую ногу наступал осторожно.

Выше по склону звякнул металл. Я оглянулся. Багорщик уже поднял сумку и вытаскивал свёртки. В одной руке у него блеснула серебряная оправа, вторую тряпицу он сунул за пазуху. Отнять их сейчас означало вернуться под багор и снова оставить Григория одного. Я повернулся к дороге.

Я стиснул зубы и пошёл дальше.

За спиной что-то затрещало. Серая тень метнулась из щели к брошенной сумке. Шмыг впился зубами в расшатанный металлический наконечник бокового ремешка и оторвал его.

Багорщик замахнулся ногой, но зверёк уже нырнул под камень. Унёс крохотную железку. Серебряные оправа и застёжка остались у людей Руднева. Из всей добычи Шмыгу досталась самая дешёвая блестяшка.

За ивами дорога стала шире. Я остановился перевести дух. На правом предплечье тянулась кровавая царапина, под рёбрами тупо ныло. Важин прислонился к дереву, разминая пострадавшую ногу. На лице у него выступил пот, дыхание сбилось после двух рывков.

— Идти могу, — процедил он, заметив мой взгляд. — Только без твоих любимых коротких путей.

Заросшая дорожка вывела нас к небольшому рынку возле старой пристани. За торговыми павильонами уже виднелась площадка, где мы оставили машину, когда позади взревел двигатель. Серый фургон выкатился из-за угла и перегородил проход. Из пассажирской двери выскочил крепыш с короткой металлической трубой. Фургон перегородил дорогу: беглец успел позвать подмогу. Мы были почти у машины. Ещё несколько шагов — и можно было спрятаться за дверями, пока чужие кулаки выясняли отношения с металлом. Теперь между нами и площадкой стоял крепыш с трубой.

Григорий услышал скрежет тормозов раньше меня и толкнул меня в проход между овощной палаткой и стеной. Крепыш замахнулся трубой. Важин попытался увернуться, но нога подвела. Он плечом и скулой ударился о железную дверь; труба задела предплечье. Я схватил пустой ящик у стены и швырнул нападавшему под ноги.

Тот споткнулся, выругался и вцепился в мою куртку. Мы налетели на стойку с яблоками. Продавщица высказала нам мнение, которого я не слышал даже от Семёна. Григорий оттащил мужчину за ворот, поморщившись от боли в ноге. Я ударил преследователя локтем в грудь, и хватка ослабла.

— Сколько с нас? — спросил я продавщицу, поднимая ящик.

— За яблоки или за цирк?

За раздавленные яблоки пришлось заплатить. Пока водитель фургона пытался развернуться между павильонами, мы выбрались к площадке. Я оглядывался на дорогу, а Григорий всё сильнее прихрамывал. Серебро осталось у людей Руднева; назад за ним мы не пошли.

— Живой. Только не проси сейчас бежать наперегонки.

— Не попрошу.

— И не предлагай вернуться за сумкой.

— Там серебро.

— Я видел. Твоё серебро теперь умеет плавать по чужим карманам.

Я помог Григорию добраться до моей машины. Ключи были в кармане, телефон тоже. После драки эта мелочь порадовала меня сильнее, чем должна была. Я открыл пассажирскую дверь, дождался, пока Важин сядет, и только потом обошёл автомобиль.

Фургон всё ещё торчал между разгружающейся машиной и мусорными баками. Водитель сердито сигналил, а продавщица с яблоками махала в его сторону кулаком. Я завёл двигатель и выехал с площадки, пока они окончательно не разобрались друг с другом.

Первое время ехали молча. Левой рукой я держал руль крепче обычного; правая отзывалась болью на каждый поворот. Важин смотрел в окно и постепенно восстанавливал дыхание. У старой остановки он попросил притормозить, открыл окно и втянул холодный воздух. Только после этого повернулся ко мне.

— Ты видел трещины на тропе?

— Видел.

— Знал, что у Руднева там люди?

— Предполагал.

— И всё равно понёс серебро?

Я не ответил.

— Ты принял желаемое за верный путь, Артём. Тебе хотелось снова посмотреть на добычу возле баржи. Ты решил, что мы успеем уйти прежде, чем появятся люди Руднева.

У меня нашлось бы десяток оправданий: засада, Шмыг, мокрая земля, чужая наглость. Но вещи в сумку положил я. Опасную тропу выбрал тоже я. И Григория привёл туда сам.

— Надо было уходить по причалу, — сказал я.

— Надо было оставить серебро дома. А если уж пришёл — не лезть в щель, из которой трудно выбраться.

Он закрыл окно и откинул голову. Под глазом темнел синяк от удара о дверь у рынка. Я предложил заехать к врачу. Григорий попросил довезти нас до города и дать ему немного прийти в себя. Я согласился, но решил: если боль и хромота усилятся, придётся настаивать на осмотре.

В Кобрине мы остановились возле аптеки. Я купил бинты, салфетки и холодный пакет. Несколько салфеток и бинт сунул в карман куртки, остальное оставил в пакете на заднем сиденье. Деньги, на которые рассчитывал после продажи оправы, я сегодня даже не увидел. Девушка у кассы посмотрела на мой порванный рукав, потом на Григория, стоявшего у двери.

— Неудачная рыбалка? — спросила она.

— Рыба победила по очкам, — ответил я.

Она улыбнулась из вежливости. Мне было не до смеха, но привычка шутить иногда срабатывала быстрее здравого смысла.

Дома Семён оглядел нас так, что даже Важин поспешил сесть. Григорий устроился на диване, а я достал из кармана аптечные салфетки и бинт, промыл царапину и наложил повязку. Домовой принёс чистое полотенце и кружку воды. Сегодня он не ворочал дверями и не пугал гостей: мы и без его помощи выглядели достаточно жалко.

— Где сумка? — спросил он.

— На берегу осталась.

— Вместе с кладом?

— Вместе с двумя вещами.

— А третья?

— Первая дома. Её не брал.

Домовой некоторое время смотрел на меня. Потом коротко стукнул пальцем по столу.

— Хоть одна умная мысль у тебя сегодня была.

Важин тихо засмеялся, поморщился и попросил не смешить его хотя бы до завтра. Я помог ему устроиться удобнее и принёс еду. Он съел половину порции, затем смог разогнуть ногу без прежней гримасы. У оборотня силы возвращались постепенно, но повторять рывки сегодня он явно не собирался.

Я достал из ящика первую серебряную накладку. Она лежала в мягкой ткани там, где я оставил её утром. Места для оправы и застёжки рядом опустели. Вчера три находки казались почти готовым заработком. Теперь у меня осталась одна. За две пропавшие вещи я не получил ни рубля. Помнил, как вытаскивал оправу из плотного ила, а застёжку сжимал в кулаке после обратной волны. Вечером пришлось признать, что вся эта работа больше не принадлежит мне.

Марине позвонил ближе к вечеру. Рассказал коротко, без украшений. Она спросила о Важине, затем о ранах, а потом — использовал ли я перстень.

— Нет. Там были люди с багром и палкой.

— Хорошо, что не пытался. И как Григорий?

— Выдохся после двух рывков, подвернул ногу. Сейчас отдыхает.

— Дай ему восстановиться. А сам перестань приносить реке подарки.

— Уже перестал.

— Надолго ли?

Накладка лежала передо мной, а убедительного ответа я так и не нашёл.

Пока Важин отдыхал, я спустился к машине за пакетом из аптеки: на заднем сиденье лежали оставшиеся бинты и холодный пакет. Во дворе сосед выгружал мешки с картошкой и попросил придержать дверь подъезда. Я протянул правую руку и тут же выругался: царапина от багра отозвалась жгучей болью. Сосед взглянул на повязку, но ничего не спросил. Подхватил мешок и прошёл мимо. Во дворе люди возвращались с работы, спорили о парковке, тащили картошку по лестницам. Мне вдруг захотелось заняться чем-нибудь столь же обычным.

Я проверил багажник. Шест остался на тропе, когда я бросился к Важину, а сумку с лопаткой забрали люди Руднева. Я захлопнул багажник и пошёл к подъезду, стараясь держать пакет левой рукой. Про новую вылазку пока нечего было и думать: даже дверцу машины я закрывал с трудом.

На лестнице услышал, как Семён ворчит на Григория из-за мокрых ботинок. Важин лениво отвечал ему, уже без прежней одышки. За час до этого я видел, как палка летит ему в голову. Теперь они спорили из-за коврика. Я вошёл, положил аптечный пакет на стол — и только тут почувствовал, как проголодался.

Позднее Важин собрался домой. Передвигался он медленно, но уже мог нормально опираться на ногу. Я предложил подвезти его. Он согласился с условием, что по дороге я не сверну к реке. Я довёз Григория до его дома и дождался, пока он войдёт в подъезд. Утром договорились созвониться.

Вернувшись, я открыл ящик и проверил серебряную накладку, которую оставил там утром. На пустое место рядом с ней смотреть не хотелось. Утром у меня были три находки и уверенность, что распоряжусь ими с умом. К вечеру осталась одна. Зато Григорий был жив и мог ругаться на меня собственным голосом.

За окном шёл дождь. На узкой тропе земля ушла у меня из-под ботинка; следом я увидел Григория на колене перед человеком с палкой. Я бросил сумку и кинулся к нему. Только потом увидел, как человек Руднева поднимает добычу. Обрывок ремня цеплялся за палец, сколько ни пытался его стряхнуть.

Утром мне всё равно предстояла мастерская. Я развесил порванную куртку и услышал, как Семён ругает Важина за пролитый чай. Григорий отвечал таким тоном, будто снова оказался на допросе у собственной бабушки. Я достал чашку для Григория левой рукой. Двух серебряных вещей на столе больше не было. Я задвинул ящик и остался на кухне, пока они ругались.

ГЛАВА 9. ПЛОХАЯ СМЕНА

— Если этот тип ещё раз придёт в агентство с собственным шкафом, я поставлю его на баланс как дополнительного сотрудника, — сказал Важин вместо приветствия.

На кухне я попытался удержать нож, но пальцы разжались, и масло осталось на краю тарелки. Семён молча передвинул хлеб к себе и отобрал нож. Пока он намазывал ломтик, из телефона раздавался возмущённый голос клиента Важина. Семён посмотрел на меня и придвинул готовый бутерброд с таким видом, будто возился с трудным ребёнком.

— У нас завтракает копатель или открылась школа пыток для бутербродов? — поинтересовался он.

— Я проверяю, способен ли хлеб к самостоятельной защите.

— Способен. Сейчас он победит.

В телефоне кто-то возмущённо потребовал Важина. Григорий прикрыл трубку и сообщил, что посетитель решил отдать долг мебелью, хотя за дверной проём уже пришлось извиняться перед соседями. Потом спокойно попросил сотрудницу проводить человека в переговорную и снова обратился ко мне.

— Ты жив? Судя по вчерашней погоне, у нас был общий клиент. Твои два серебряных предмета он унёс, а мне оставил только запах плохих решений.

Я ответил, что сегодня выйду на смену и не намерен никого преследовать. Семён сунул мне тарелку.

— Сначала добудь завтрак, великий кладоискатель. У тебя с ним пока ничья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.